

Отражение идей Консервативной революции в Германии в немецкой литературе и философии первой половины XX века.

Исследовательская работа

Направление “Философия”

Автор: Винницкий Илья, учащийся 10 класса,
АНО ОШ ЦПМ, Москва

“Консервативная революция стремится породить новое единство, новое пространство, где нет ни верха, ни низа, ни близкого, ни дальнего; пространства, в котором доступны отдельные элементы прошлого, а также возможного будущего, но они пребывают в беспорядке запутанных поступков. При этом в качестве орудия “Консервативная революция” использует “Мировоззрение”, которое является типичной для “междоцарствия” формой выражения мысли”.

Армин Молер, “Консервативная революция в Германии в 1918-1932”

Содержание

Введение. Рождение идеи: Миф о пещере	1
Глава 1. Единое: “Волшебная гора” и “Третий рейх”	6
Глава 2. Вечное: понятие времени и прогресса	17
Глава 3. Утопическое: Гелиополь, эстетизм и фашизм	19
Глава 4. Смерть идеи: Доктор Фаустус, Игра в бисер	26
Заключение.	32
Список Литературы	34

Введение. Рождение идеи: Миф о пещере

На протяжении всей истории философия создавала множество уникальных метафизических образов и мысленных экспериментов. Некоторые из них на сегодняшний день известны всем: мозг в колбе, проблема вагонетки, кольцо Гига и миф о пещере. Для данной темы необходим именно последний эксперимент. Миф о пещере был сформулирован еще Платоном в “Государстве” и оказал огромное влияние на всю последующую философию. Но миф этот не только помнили, но и трактовали.

Оригинальная, платоновская версия звучит так: в пещере в скованном состоянии пребывают люди, наблюдающие за перемещающимися на стене тенями. Люди за перегородкой проносят предметы перед пламенем, образуя эти самые тени. Таким образом, существование узников сводится к безвольному восприятию образов, которые явились им по чужой воле, а также не имеют отношения к подлинной реальности. Причем узник никогда не поймет, что он видит лишь тени, ведь он никогда не видел мира вне пещеры. По Платону, такое существование порочно и бесцельно, так что он предлагает

единственный путь спасения: приложить усилия и освободиться от оков. Если этого удастся достичь, там, на поверхности, узник увидит настоящий мир, освещенный Солнцем, которое для Платона есть метафора высшего Эйдоса, абсолютного блага, которое проливает свет на остальную реальность вещей (идей), делая её видимой (умопостигаемой). Отсюда у Платона появляется тождество между категориями “быть” и “мыслить”, а также то, что реальности априори присуще благо и пребывать в ней суть благо. Но что же делать дальше? Платон отвергает вариант существования в подобном прекрасном мире и призывает освободившегося идти обратно в пещеру. Освободившийся – философ, третья сословие и воплощение разумного начала души. Он обязан освободить других заключенных несмотря на их возражения и желание остаться. Следовательно, задача философа как уклада души и сословия – освобождать и просвещать остальных, ведь он, в отличие от остальных, видел реальность и благо.¹

Миф о пещере даже в оригинале изобилует метафорами и второстепенными образами. Как например, узники воспринимают мнимые предметы как тени, а не предметы в свете солнца. В то же время, свет является метафорой на благо, а следовательно, бытие в пещере гносеологически порочно. Подобное множество мелких деталей неизбежно порождает обилие трактовок, трактовка эта показывает изменение отношения к философии и миру вокруг в разные эпохи. Нам необходима одна из поздних, та, которая подобно свету-благу в свою очередь прояснит смысл темы этого исследования.

В 1929 году, когда Мартин Хайдеггер уже преподавал в Фрайбургском университете, он читает цикл лекций “Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности”, в которых приводит свою трактовку мифа о пещере.

По Хайдеггеру, вот-бытие в пещере находится на стадии религиозного сознания, или же мифического.² Эта важная деталь, которую мы истолкуем несколько позже. Также Хайдеггер делает акцент на нескольких стадиях освобождения: сначала узник избавляется от оков и получает возможность не смотреть на тени, а лишь в черную бездну. Смотреть туда страшно и бессмысленно, но это уже дает выбор. Второй шаг на пути освобождения – блуждание по тьме. Здесь выявляется другая важная деталь Хайдеггеровской трактовки – освобождающийся узник начинает страдать.³ Вся его сущность и разум желают вернуться обратно, к теням. Его воля неспособна совладать с абсолютной тьмой и попытками найти выход из подземелья. Но если это все же удастся, начинается третий этап: поверхность. Здесь, однако, страдание не заканчивается, узник начинает мучаться от впервые увиденного света, его глаза не приспособлены из-за существования в кромешном мраке. Узник хочет отвернуться от света, вернуться обратно в пещеру даже когда нашел выход, лишь бы избавиться от боли. Но что-то его удерживает: По Хайдеггеру, воля человека не

¹ Платон, Государство, https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/new/Platon3_1.pdf, стр. 349-353

² Мартин Хайдеггер, Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности, Перевод с немецкого А.П. Шурбелёва, Санкт-Петербург «ВЛАДИМИР ДАЛЬ» 2016, стр. 432

³ Мартин Хайдеггер, Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности, Перевод с немецкого А.П. Шурбелёва, Санкт-Петербург «ВЛАДИМИР ДАЛЬ» 2016, стр. 431

способна осилить все эти испытания самостоятельно и прийти к заветной реальности. Узника удерживает чья-то еще воля, нечто превосходящее волю одного человека.⁴

После всех мучений, узник наконец полностью освобождается, “сокрытое бытие” пещеры заканчивается, теперь он свободен и начинает воспринимать мир вокруг как “вечное бытие”. Итак, теперь узник задает вопрос “что есть я?”, который по Хайдеггеру и является конечной стадией освобождения. Но теперь начинается значительное смещение акцента в трактовках.

«-Становление свободным возможно только через высвобождение из чего-то. Сегодня мы даже не знаем, из чего же, собственно, нам надо высвободиться. Тем не менее это знание — основа всякого подлинного освобождения.»⁵

Проще говоря, для освобождения нужно знать, из чего освобождаться. Человек, рожденный уже на поверхности, не свободен, ведь свободен лишь тот, кто от чего-то освободился. Причем процесс освобождения намного длиннее, чем в платоновском мифе. Хайдеггер снова использует метафоры. Вещи вокруг, пребывающие в вечном солнечном освещении, раздроблены, а следовательно, порождают тени, а значит, истина снова затмевается тенями. Значит, с каждым цикличным освобождением, разомкнутость бытия уменьшается, если говорить на языке метафор: бытие разомкнутых вещей объединяется, порождая цельную картину без теней, и именно она дает полное, вечное бытие. Это сразу сближает Хайдеггера с Анаксимандром, который полагал, что переход из Единого в Раздробленное – несправедливо, ведь свойства подлинных вещей каждый раз меняются, порождая вещи неподлинные.⁶

Итак, в определенный момент процесса освобождения, вопрос “А свободен ли Я?”, вытекающий из вышеупомянутого вопроса “Кто есть Я?”, теряет смысл и становится лишь призраком старого сокрытого бытия. На этой фазе человек действительно освобождается.

Трактовка мифа о пещере для нас действительно важна, поскольку проливает свет на ранние взгляды Хайдеггера и предвещает появление экзистенциализма, который можно истрактовать как прямого наследника Хайдеггеровского учения о бытии и перманентного преодоления и освобождения из пещеры (что очень близко уже к мифу о Сизифе Альбера Камю). Но это новое истолкование имело куда более близких по времени последователей, чем экзистенциалисты, полноценно явившиеся уже после Второй Мировой войны. Именно о них и пойдет речь.

Стоит также отметить причины появления такой трактовки. Хайдеггер не вневременен и его взгляды напрямую связаны с эпохой: Начало двадцатого века было периодом доселе невиданного технологического и научного прогресса, общество менялось

⁴ Мартин Хайдеггер, *Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности*, Перевод с немецкого А.П. Шурбелёва, Санкт-Петербург «ВЛАДИМИР ДАЛЬ» 2016, стр. 430

⁵ Мартин Хайдеггер, *Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности*, Перевод с немецкого А.П. Шурбелёва, Санкт-Петербург «ВЛАДИМИР ДАЛЬ» 2016, стр. 434

⁶ Фридрих Ницше «Философия в трагическую эпоху Греции», <https://www.nietzsche.ru/works/other/philosof/?curPos=1>

с не меньшей скоростью. Но обитатели Европы реагировали на это развитие совершенно по-разному. В конце девятнадцатого века расцвел декаданс, прямое следствие распространения социального дарвинизма и материализма. В нулевые рождается модернизм, в десятилетия авангардизм. Новый прогресс и новый мир порождает новое искусство, вера в будущее снова была сильна как никогда.

Но случается перелом – Первая Мировая война. Ее влияние менее значительно, если говорить о культуре, в Великобритании или Франции, но в России и Германии она изменила все. В России вместе с большевиками распространяются новые формы культуры, а старая уничтожается как элемент царской власти. В Германии произошло обратное: унижение от войны, катастрофический национальный и экономический кризис не дает многим немцам продолжать мыслить о культуре и мире оптимистично. Даже Ноябрьская революция и смена Вильгельмизма на подающую надежды социал-демократию не спасла Демократию от упадка. Вплоть до 1923 года страна утопала в кризисах и восстаниях со всех политических флангов. Таким образом, в немцах одновременно умер старый, кайзеровский консерватизм, но вместе с этим потрясения молодой республики раздавили в большинстве интеллектуалов надежды на демократию и прогресс. Так рождается важнейший культурный феномен Веймарской республики – культурпессимизм.

Проще говоря, демократия и культура, перенятая у недавних врагов неприемлема, в то же время старый германский консерватизм также показал свою слабость. В среде интеллектуальной элиты это породило раскол: на Юге, в особенности в Баварии и Альпах аристократия впала в эзотерику. Члены Пан-Германской лиги, выступавшие за объединение Германской Империи и Австрийской империи, реформировались в оккультное сообщество, из которого потом вышло общество Туле, во главе с Гвидо фон Листом. Из этой группы оккультистов происходил уже Антон Дрекслер, который впоследствии создаст Немецкую рабочую партию (DAP), в которую и вступит Гитлер.

Но об этом феномене будет рассказано позже, для исследования важнее Культурпессимизм, родившийся на Севере. Другое, близкое понятие к культурпессимизму – Консервативная революция. Основателями этого движения считаются Освальд Шпенглер и Мёллер ван дер Брук.

После короткой исторической связки, Хайдеггеровский миф о пещере начинает приобретать особый смысл: для начала он критикует современное образование и односторонний прогресс, говоря, что понимание Вебером науки как “расколдовывание мира”⁷ совершенно неприемлемо. Юристов, ученых, экономистов учат методу, примитивной парадигме, которая образует новую пещеру.⁸ Пещеру, которая обычно не ассоциируется с интеллектуальной элитой. Хайдеггер видит в этом прямую угрозу всему пониманию мира, и через миф о пещере формулирует своеобразный посыл к ученым.

⁷ Мартин Хайдеггер, Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности, Перевод с немецкого А.П. Шурбелёва, Санкт-Петербург «ВЛАДИМИР ДАЛЬ» 2016, стр. 426

⁸ Мартин Хайдеггер, Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности, Перевод с немецкого А.П. Шурбелёва, Санкт-Петербург «ВЛАДИМИР ДАЛЬ» 2016, стр. 424

Хайдеггер считает ученых уже рожденными в свете, а следовательно, несвободными. Ученые теряют свое предназначение интеллектуальной элиты, философов, которые пойдут обратно в пещеру за остальными узниками.

Кроме того, Хайдеггер показывает, что часто люди искусства знают и предсказывают то, до чего наука доходит лишь спустя века. Итак, научная парадигма вредна, искусство близко в науке, а настоящее освобождение заключается в приходе к единому. Так порождается концепция единой науки, не логицистской единой логики, но науки в более метафизическом плане. Через преобразование науки и достигается настоящее освобождение и бытие в чем-то Едином. Здесь приобретает смысл упомянутая в самом начале деталь, о том, что Хайдеггер считает бытие в пещере воплощением религиозного сознания: нем нет различия между реальностью и вымыслом. Религии противопоставляется наука, но не в материальном плане, а наука освобождающая.⁹

Итак, в новом мифе о пещере можно усмотреть стержень Консервативной революции: из старого консерватизма убирают важность религии, теперь она отождествляется с бытием в пещере. На место метафизики и теологии, как метода познания единого и Бога, встает наука в трактовке Хайдеггера. Кроме того, чтобы не рождаться во сне и законченной парадигме, обществу нужно знать старое, то есть традицию, через которую и дается знание о “былой пещере”, что даёт возможность действительно освобождаться. Именно поэтому революция именно “Консервативная” – только со знанием старого и старого уклада можно чего-то добиться в будущем. Также, важна деталь о том, что воля конкретного человека не способна на освобождение, нужно что-то еще. На это место Консервативная революция ставит нацию. Ее воля примиряет противоположности и ведет человека к освобождению.

Новый миф о пещере показывает потребность в едином, в том, что примирит противоположности, но от чего лишь отдаляет наука, а искусство лишь ходит вокруг да около. Приход к этому Единому, в соответствии с мифом, сопровождается мученичеством, страданием, которое сполна испытал немецкий народ в период Веймара, и тем, что дает волю, тем что дает сил на превозмогание – нацией.

В пламени Первой мировой войны родилась новая идеология, которая имела наибольшее влияние на немецкую культуру относительно всех остальных форм национализма. Нацизм породил разве что фильмы Лени Рифеншталь, в то время как консервативная революция имеет всеобъемлющее влияние на германскую культуру, что и будет показано в этой работе.

Следовательно, цель исследования - проследить отражение идей Консервативной революции в немецкой культуре и философии. Для этого, в качестве задач, будут выделены:

1. Анализ исторического контекста.
2. Исследование основных работ, которые легли в основу Консервативной революции.

⁹ Мартин Хайдеггер, *Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности*, Перевод с немецкого А.П. Шурбелёва, Санкт-Петербург «ВЛАДИМИР ДАЛЬ» 2016, стр. 430

3. Выделение основных положений Консервативной революции; проведение грани между исследуемым учением и фашизмом.
4. Сопоставление тезисов Консервативной революции с известнейшими художественными произведениями эпохи
5. Обозначить причины увядания идей Консервативной революции, а также найти качественные альтернативы этому учению среди немецкой интеллигенции.

В работе будет использоваться междисциплинарный метод, затрагивающий области истории, литературы и философии. Без одной из составляющих исследование будет являться неполноценным, ведь каждая идея и концепция, представленная в этой работе, может быть понята и разобрана исключительно в контексте событий эпохи и культуры эпохи.

Глава 1. Единое: “Волшебная гора” и “Третий рейх”

Один из важнейших романов немецкоязычной литературы двадцатого века – Волшебная гора Томаса Манна, позволяет нам составить достаточно целостный портрет не только Германии, но и всей Европы в тот период. Само произведение является философским романом с широким спектром представленных автором идей, но для исследования будут взяты лишь те темы произведения, которые необходимы для работы.

Для начала, о сюжете: 1913 год в швейцарский туберкулезный санаторий приезжает инженер из Гамбурга Ганс Касторп к своему больному кузену, лейтенанту Иоахиму Цимсену на 3 недели. Там двоюродные братья знакомятся и общаются с самыми разными представителями европейского общества поздней Викторианской эпохи: в санатории сосуществуют врач Гофрат Беренс и Краковский, писатель Сеттембрини, иезуит Нафта, русская аристократка Клавдия Шоша.

Здесь, в санатории, время начинает идти по-другому, обыкновенные житейские проблемы отходят на второй план, а больные пытаются осознать причину, по которой иногда время летит с невероятной скоростью, а иногда будто едва тянется. Каждый из больных олицетворяет в себе одно из направлений европейской мысли на кануне войны, и, что иронично, каждый из них болен и неизбежно умрет.

Первых встречающихся читателю персонажей и можно считать главными героями, а также наиболее однозначными персонажами романа. Иоахим Цимсен, больной туберкулезом военный, вынужденный на какое-то время оставить службу, есть проявление большинства мещанских добродетелей, переходящих в доблесть: по профессии он солдат, сержант, с идеальной дисциплиной и прилежанием, что проявляется даже во время лечения в Альпах. Иоахим не обладает специфическим мировоззрением, но интуитивно заслуживает уважение как у читателя, так и у других персонажей романа. Он обладает харизмой, выдержкой, благодаря которой всегда сохраняет солдатскую выдержку, никогда не вдаваясь в метафизические дискуссии и абстракции.

В то же время, Ганс Касторп, еще более нейтральный персонаж, в отличие от кузена, про него нельзя сказать даже как о “высоконравственном персонаже”. Российский читатель легко угадает в его образе не то Чичикова, не то Обломова. И действительно, Касторп является человеком без свойств, мещанином, лишенным особых деталей

биографии, за исключением одной, а также принципов и вообще какой-либо уникальности. Это персонаж-необходимость, созданный Манном как поле боя между всеми остальными действующими лицами, претендующими на куда большую уникальность, а их мировоззрение на большую ценность. Даже так, Касторпу удастся умело лавировать между всеми радикальными воззрениями обитателей санатория и отстаивать пришедшее к нему вдохновение в середине романа, которое и формирует основную идею произведения.

Как уже было сказано, Касторп и Цимсен выполняют функцию индикаторной бумаги, которые почти не производят собственных идей, а лишь контактируют с чужими, критикуя или принимая чужие. Сержант, с позиции высокой нравственности, выдержки и почтения, Касторп же как самый простой и невыделяющийся обыватель. Следовательно, необходимо рассмотреть среду, в которой находятся главные герои. Это наст нам достаточное представление о состоянии высшего сословия Европы на кануне войны.

Доктор Беренс, заведующий санаторием, воплощает в себе материализм, отвержение или непонимание метафизических концепций. Его жизнь после смерти жены превратилась в одно большое соприкосновение со смертью: он просто не может воспринимать жизнь, время или смерть как нечто возвышенное, для него это не более чем совокупность биологических процессов. При этом Беренс художник, ну или точнее, пытается таковым быть. Наглядным можно назвать момент с портретом мадам Шоша: Ганс Касторп признает невероятный реализм картины, что видны даже поры на коже, но при этом изображенный человек совершенно не похож на Клавдию, портрет лишен той уникальности и смысла, которыми обладает лицо настоящего человека.

Двумя же наиболее любопытными персонажами являются Сеттембрини и Нафта, и именно в них и их дискуссия раскрывается основной философско-политический конфликт эпохи.

Сеттембрини – писатель, итальянский националист и патриот, при этом убежденный либерал, мечтающий о построении мировой республики и уничтожении старых имперских государств, в первую очередь Австро-Венгрии и России. Его гуманизм, по его мнению, не противоречит беспросветному расизму, где азиаты являются основным врагом западной цивилизации: “В основе борьбы за господство на земле лежат два принципа: сила и право, тирания и свобода, суеверие и знание, принцип косности и принцип кипучего движения вперед, прогресса. Первый можно назвать началом азиатским, второй – европейским, ибо именно Европа – родина бунта, критики и преобразующей деятельности, тогда как Восток является воплощением неподвижности и бездеятельного покоя. Не может быть никакого сомнения в том, какая из этих двух сил в конце концов победит: конечно, та, которая движет просвещением и разумным совершенствованием”.¹⁰ В нем раскрывается реальный либерализм, не современный неолиберализм с его абстрактными представлениями о гуманизме и хорошем, а гуманизм Спенсера и Милля, наследие классицизма: безжалостный, расистский и утилитаристский. Сеттембрини верит в западную цивилизацию, в абсолютную силу разума и объективной истины. Несмотря на слова о “неприемлимости войны”, пользуется чуть ли не якобинской

¹⁰ Томас Манн, Волшебная гора, https://www.100bestbooks.ru/files/Mann_Volshebnyaya_gora.pdf, стр. 96

риторикой в отношении врагов прекрасного будущего: “Австрию надо разрушить и разбить наголову – во-первых, чтобы отомстить за прошлое, во-вторых, чтобы проложить пути для господства права и счастья на земле”.¹¹ Его национализм и восхищение Гарибальди совмещается с западноевропейским космополитизмом, космополитизм с расизмом, вера в разум и объективную истину с утилитарным пониманием морали, где благо – то что полезно сейчас, а не вечная истина, желание просвещать и мечты об интеллектуальной утопии с его покровительственным отношением и попытками научить правильным идеям “тяжелое дитя эпохи” – Ганса Касторпа, лишая его возможности критически мыслить, его интеллектуальные баталии с Нафтой и признание его интеллекта со страхом того, что Касторп и Цимсен познакомятся с ним и переймут идеи иезуита. Сеттембрини крайне противоречивый персонаж, чье мировоззрение до фанатизма крепко и нерушимо. Его взгляды в идеале показывают философию либерализма и гуманизма, мечты о мировой республике у множества просвещенных европейцев той эпохи. Но есть у его и заклятый враг, полярная философская позиция, не менее сильная и глубокая: Нафта и его консерватизм.

Лео Нафта – сын галицийского раввина, который из-за остроумия и критического отношения к догматам не смог следовать отцовскому ремеслу, но познакомившись с членом ордена иезуитов, примкнул к ним, приняв христианство. Это спасло его, ведь скоро его семью убьют во время погрома, и все что остается Нафте – следовать по пути священника. Он проявляет удивительные способности, но вынужден прервать обучение из-за болезни, так он встречается с остальными персонажами в санатории. В основе его мировоззрения лежит дуализм, причем не конкретный, а дуализм как универсальное средство: человек и бог, человек и материя, материя и дух и т.д.: “Вы стоите на том, что дух, *esprit*, – значит легкомыслие. Но дух не виноват в том, что он изначально дуалистичен. Дуализм, антитеза – вот движущий, диалектический, исполненный страсти и остроумия принцип. Рассматривать мир разделенным на два враждебных начала – вот что дух, вот что остроумно. Напротив, всякий монизм скучен. *Solet Aristoteles quaerere pugnam*”. Нафта склонен к мистицизму и антигуманизму. Если для Сеттембрини идеалом эпохи была Древняя Греция и классицизм, то для Нафты это средневековье: “Христианское средневековье ясно осознавало капиталистическую сущность светского государства. «Деньги станут кесарем» – это предсказание относится еще к одиннадцатому веку. Станете вы отрицать, что оно исполнилось слово в слово и что тем самым дьявол возоблада над человеком?”¹² Он видит в католическом обществе долютеранской Европы настоящий интернационализм, торжество духа и духовного сословия над остальными. При этом Нафта не отрицает понятие нации, а войну считает вообще необходимой и полезной: “Инстинктивное всегда национально, сам бог даровал людям природный инстинкт, побудивший народы обособиться в национальные государства. Война... – Война, – воскликнул Сеттембрини, – даже война, милостивый государь, уже вынуждена была служить прогрессу, с чем вы, несомненно, согласитесь, вспомнив некоторые события любезной вашему сердцу эпохи, я имею в виду крестовые походы! Эти цивилизаторские войны весьма благоприятствовали экономическому и торгово-политическому сближению народов, объединив западный мир под знаменем одной идеи. – Вы на редкость терпимы к

¹¹ Томас Манн, Волшебная гора, https://www.100bestbooks.ru/files/Mann_Volshebnaya_gora.pdf, стр. 96

¹² Томас Манн, Волшебная гора, https://www.100bestbooks.ru/files/Mann_Volshebnaya_gora.pdf, стр. 254

идее. Тем учтивее позволю я себе напомнить вам, что крестовые походы хоть и вызвали оживление сношений, вовсе не привели к международной нивелировке, напротив, противопоставляя один народ другому, они пробуждали их самосознание и сильно способствовали формированию идеи национального государства.”¹³ Пожалуй, основная разница между иезуитом и итальянцем заключается в отношении к человеку. Для Сеттмербини человек - мера всех вещей, что совмещается с его монизмом, из чего он признает всеисильность разума, презрение к любой форме эмоционального, бессознательного, любой слабости или несовершенству: “Но разум и просвещение изгнали эти тени, омрачившие душу человечества, – правда, еще не вполне, еще до сих пор идет борьба, а имя этой борьбе, сударь мой, – труд, земной труд во имя земли, во имя чести и интересов человечества; и каждый день все больше закаляются в этой борьбе те силы, которые окончательно освободят человека и поведут.”¹⁴ Нафта же наоборот, отрицает всеисильность человека и всегда пытается приуменьшить свободу воли субъекта. Он дуалист, а следовательно, в его представлении всегда будет существовать второе, то самое духовное и метафизическое, перед которым он преклоняется и признает бессилие человека перед этим “вторым”. Не важно Бог это или дух, важно, что важность человека падает, он не более чем тот, кто воспринимает, лишенный чистого разума и вечно ведомый этим вторым началом.

Важная деталь заключается в описании образа жизни двух персонажей: Сеттмебрини богат и не чурается роскоши, но при этом придерживается строгого догматизма в интеллектуальной сфере, что обычно куда больше присуще монахам по типу Нафты. Писатель не может допустить ереси, чужого мнения, любого препятствия на пути прогресса. Напротив, Нафта живет весьма аскетично, хотя имеет возможность снять номер лучше. Но одновременно с этим, его основным грехом, по словам Сеттмебрини, является “интеллектуальное сладострастие”: именно по этой причине он отказался от иудаизма, и даже перейдя в католицизм, крайне скептически относился к догматам и эмоциональному познанию Бога, злоупотребляя исключительно рациональным, что недопустимо в религии. Это довело Нафту до полной свободы мысли, подвига духовного извращения, когда он пытается доказать какую-то теорию или мнение только потому, что может, или поэтому что это собьет с толку оппонента. В конечном счете, по ходу романа проблемы обоих героев усугубляются: Сеттмебрини окончательно становится догматиком-обскурантистом, реагируя вспышкой гнева на любое несогласие, будучи неспособным поменять собственное мнение. Нафта же доходит до полного нигилизма, когда вся дискуссия превращается в софистику и попытку опрокинуть столько социальных и духовных устоев, сколько вообще возможно. Это интеллектуальное метание неизбежно буквально убивает Нафту: самоубийство на дуэли, как символ, стремление опровергнуть все и впасть в небытие неизбежно приводит к опровержению себя, как настоящая победа над противником в дуэли, чья жизнь заключается лишь в борьбе с оппонентом и легко обрывается без этого самого врага.

Сеттмебрини – это собирательный образ либерала в буржуазно-консервативных кругах. Он лицемерен и двоемыслен, а вместо совершенствования своих взглядов

¹³ Томас Манн, Волшебная гора, https://www.100bestbooks.ru/files/Mann_Volshebnyaya_gora.pdf, стр. 242-243

¹⁴ Томас Манн, Волшебная гора, https://www.100bestbooks.ru/files/Mann_Volshebnyaya_gora.pdf, стр. 60

скатывается в обскурантизм. а Нафта – такая же карикатура на младоконсерватора, который искренне ненавидит буржуазию и все, что от нее исходит, но не способен ничего придумать сам. Сама фамилия символична: ветхозаветное “Naphthali” в переводе с иврита означает «бороться, спорить».

Третьим по важности персонажем можно назвать Мингера Пепперкорна. Он появляется в сюжете позже всех остальных, но из-за своей неоднозначности и глубины заслуживает не менее подробного внимания. Он пожилой голландский магнат-алкоголик, который очень плохо говорит на немецком и выражается лишь обрывками фраз. Лучше всего его можно описать как метафору на Диониса: Пепперкорн – буквально божество в представлении окружающих. Он предстает перед ними в самом конце, когда дух санатория разлагается, и его население все чаще начинает прибегать к крайним формам получения удовольствия и проведения досуга. Христианский бог умирает, приходит Пепперкорн – бог языческий. Подобно тому как в момент высшего интеллектуального расцвета в романе происходил фестиваль Вальпургиева ночь, то при Пепперкорне – вакхическое пиршество. Как уже было сказано, все в его сущности заставляет преклоняться перед ним: он высокий, широкоплечий, но при этом стар, губы его разорваны, он при смерти из-за болезни, но это не мешает ему употреблять вино в невообразимых количествах. Он почти не может говорить, но все окружающие даже так восхищаются его речами и будто прикованы к нему. По словам самого Касторпа, он “яркая индивидуальность”, его гений и даймоний – индивидуальность, которая буквально подчиняет людей вокруг: “Эта индивидуальность, казалось, отнюдь не педагогична, и все же какая удача, если она встретится молодому человеку, путешествующему с образовательной целью! Как странно было наблюдать столь царственную двойственность, когда спорящие дошли до брака и греха, до таинства и снисходительности, до греховности и безгрешности сладострастия!”¹⁵ Под конец Пепперкорн “передает” титул индивидуальности Касторпу, символом чего становится преклонения Шоша уже перед Гансом. Вскоре после этого и последнего вакхического пира он тоже совершает самоубийство ядом, привезенным из Малайзии. В романе бог умирает дважды: сначала его убивают люди своим невежеством, скатываясь в язычество, а потом бог языческий умирает сам, отказавшись от своих последователей и избрав наследника, в результате чего с людьми остается лишь то, что Манн зовет “Демоном тупоумия”:

«Больше того: Гансу Касторпу казалось, что не только он сам дошел до мертвой точки, но и весь мир в целом постигла та же судьба, вернее в этом случае слишком трудно отделить частное от общего. После того как в его отношениях с некоей индивидуальностью наступил столь эксцентричный конец, после многообразных волнений, которые вызвал в санатории этот конец, и с тех пор как Клавдия Шоша недавно выбыла из общины живущих здесь наверху и состоялось прощание с оставшимся в живых названным братом ее повелителя, омраченное трагизмом великого отречения, но проникнутое духом бережной почтительности к памяти покойного, – после всех этих перипетий молодому человеку начало казаться, будто и в жизни и с людьми творится что-то неладное; будто все пошло теперь особенно скверно, идет все хуже, а потому на душе все тревожнее; будто власть забрал какой-то демон, злой и глупый, он уже давно

¹⁵ Томас Манн, Волшебная гора, https://www.100bestbooks.ru/files/Mann_Volshebnaya_gora.pdf, стр. 375

начал оказывать влияние на людей, но сейчас обнаружил свою необузданную власть столь открыто, что это рождало невольный таинственный страх и наводило на мысль о бегстве; имя этому демону было тупоумие.»¹⁶

Ни об одном персонаже произведения нельзя сказать, что его мировоззрение верно или претендует на объективность. Все они – не более чем узники в пещере, которые ограждают реальность собственным эскапизмом. Разница от мифа заключается в том, что Манн не видит в этом низшую форму существования, напротив, он демонстрирует, что даже при таком существовании человек может деградировать дальше, где каждая тень в пещере превращается в бесформенное месиво.

Символом этого “Демона тупоумия” является доктор Краковский. Врач психиатр и фрейдист, теоретик психоанализа впадает в мистику, астрологию и спиритические сеансы с пациентами, пытаясь поговорить с усопшими. На его примере виден весь уровень духовного разложения пациентов, как физического, так и интеллектуального. Спиритизм Краковского уже даже не язычество, а мракобесие, элементарное человеческое тупоумие, что становится причиной духовной или физической смерти всех персонажей.

Сам санаторий воплощает в себе Европу начала 20 века: время в ней остановилось, она давно потеряла контакт с реальностью, и все что остается существующим там разлагаться физически и духовно. Пребывание Ганса Касторпа в Альпах вместо нескольких недель затянулось на году, подобно Первой мировой войне. Интернациональность лишь еще раз указывает на то, насколько масштабная метафора передается в произведении. Манну удалось запечатлеть все ключевые идеологии в лице Нафты и Сеттембрини, а также мещан и их понимание жизни. В Пепперкорне воплощается возрожденная тяга к язычеству и мистике, накрывающей цивилизацию перед крахом. Его языческая, архаическая сила действительно способна примирить противоположности в лице Нафты и Сеттембрини, но только из-за своей харизмы и авторитета, а не идеологического превосходства. Его концепция “тупоумия, охватившего санаторий и всю Европу” совмещается с опровержением всех основных направлений европейской мысли, что делает творение Манна пророческим: “Волшебная гора” диагностирует разложение культуры и ее полную изоляцию от остального мира, что мы и наблюдаем в конце произведения. Апофеозом этого становится война - то, в чем Манн видит окончательный крах старой европейской идеи и представления о культуре и политике. Но Манн не просто ставит европейскому обществу диагноз, но предлагает решение.

Во время одной из прогулок Ганса Касторпа в Альпах, он теряется и начинает блуждать в снегах. В какой-то момент от бессилия он погружается в сон. Этот сон является основой для новой идеологии Манна: в нем Касторп отвергает бредни Нафты и Сеттембрини, вместо этого убеждаясь, что понятия жизни и смерти, разума и духа, бога и человека не противоречат друг другу, в отличие от утверждений его неудавшихся наставников. Он приходит к выводу, что мир прекрасен в совмещении этих мнимых двойственностей, в некой загадке, которой нужно наслаждаться, а не пытаться одолеть разумом или преклоняться перед ней, видя в ней высшее иррациональное: “Я многое узнал от живущих здесь наверху относительно дезертирства и разума. Я блуждал с Нафтой

¹⁶ Томас Манн, Волшебная гора, https://www.100bestbooks.ru/files/Mann_Volshebnyaya_gora.pdf, стр. 398

и Сеттембрини по опасным высотам. Я все знаю о человеке. Я познал его плоть и кровь, я вернул больной Клавдии карандаш Пшибыслава Хиппе. Но тот, кто познал плоть, жизнь, познал и смерть. И это еще не все, это только начало, если смотреть с педагогической точки зрения. Нужно это сложить с другой половиной – противоположной. Ибо интерес к смерти и болезни не что иное, как своеобразное выражение интереса к жизни, как то доказывает гуманистическая наука – медицина, которая всегда так учтиво, по-латыни, обращается к смерти и болезни, сама будучи лишь тенью того великого, наиважнейшего, что я от полноты сердца назову настоящим его именем: это трудное дитя жизни, это человек и его назначение в мире, его царство... »¹⁷

Эта концепция напрямую связана с датой создания произведения: 1924 год – один из немногих периодов политической стабильности и процветания в Веймарской республике. Благодаря реформам Штресеманна, рурский кризис был разрешен, новая валюта остановила гиперинфляцию, националисты и коммунисты потерпели крах на выборах в Рейхстаг. Был подписан план Дауэса, и маячил договор Локарно, включавший Германию в Лигу наций. Ранний кризис Веймарской республики был преодолен, у людей снова появилась надежда на будущее.

Культура начала возрождаться, а вместе с ней и новые направления живописи и архитектуры, оторванные от консервативных предрассудков. Люди осознали абсурдность викторианских противоречий, соприкоснулись с новым пониманием идеологии и морали. В этом смысле “Волшебная гора” является символом этих надежд и стремления к созданию новой идеологии общего Блага. Подобные настроения прослеживаются во многих других произведениях эпохи, и не только литературы: стоит вспомнить о Баухаусе, зародившемся в послевоенной Германии одной из самых инновационных школ архитектуры в мире. Не менее активно чем литература, развивается и живопись, в то время творят Отто Дикс, Эмиль Нольде, Макс Бекман и многие другие.

Мы имеем право говорить о полном охвате Манном европейской культуры, роман поражает своей комплексностью. В романе фигурируют музыка, живопись, литература, биология, психология, философия, натурфилософия, политология, история теологии, мистика и множество другого. Все это автору удастся пересобрать, доказать непротиворечие между ними, примирить и продемонстрировать через комбинацию всего вышеперечисленного то, что западная цивилизация не может просто умереть под гнетом “демона тупоумия”, но может освободиться от собственного самообмана и осознать свое высшее благо в собственной полноте и универсальности.

Манн говорит о полноте реальности и о ее изначальной универсальности. Младоконсерваторы стремились называли себя именно так по той причине, что не выступали за принципы прошлого, подобно консерваторам, и не за слепой прогресс и будущее, подобно прогрессивистам, но за “Вечное”, за те принципы, которые будут актуально всегда. То, что совершает Манн в Волшебной горе можно сравнить с поступком Аристотеля: они удаляют двоемирие, порождаемое эйдосами Платона, и романтическое представление о вечных истинах и принципах нации и общества, зашивая их в саму реальность. Манн отходит от традиционного младоконсерватизма в трех тезисах: времени,

¹⁷ Томас Манн, Волшебная гора, https://www.100bestbooks.ru/files/Mann_Volshebnyaya_gora.pdf, стр. 312-313

принципах и отношении к насилию. На примере основных персонажей романа и сна главного героя было продемонстрировано расхождение в первом: реальность уже обладает вечными истинами и принципами, а следовательно “Консервативная революция” просто не имеет смысла.

Роман не был бы так полезен для нашего исследования, будь он обыкновенной агитационной листовкой, выражающей конкретные взгляды. Для самого Манна произведение было переломным, т.к. создание началось еще в 1914, а окончено в 1924. За эти десять лет убеждения и взгляды писателя значительно изменились. Ранний Манн известен своим консерватизмом, он вместе со старшим братом был автором статей в антисемитском и правом журнале “Двадцатый век”, а также активно поддерживал милитаристскую риторику во время Первой мировой войны. Усилил этот взгляд брак, после которого Манн попал в консервативно-буржуазные круги Германии. Несмотря на это, уже после войны, писатель высказался за веймарскую республику, что уже было несвойственно правым. Но переломным моментом можно считать убийство министра иностранных дел Ратенау фрайкорской террористической организацией “Консул”. Манн окончательно отказывается от своих консервативных взглядов и “аполитичности”, которую он сформулировал в эссе “Рассуждения аполитичного” в 1918 году. На момент завершения романа Манн был убежденным демократом и продолжал склоняться влево, но, что важно, не стал более оптимистично смотреть на состояние культуры и политики в мире.

С пониманием контекста, можно лучше понять замысел Манна: в иезуите Нафте, он воплощает то ли себя, то ли собирательный образ того самого “консерватора” и безжалостно критикует его взгляды, показывая бессмысленный дуализм и неизбежный нигилизм, исходящий из этих убеждений. При этом Манн также критикует и Сеттембрини, который является для писателя символом лицемерия и лживости левых и либералов.

Следовательно, ценность “Волшебной горы” заключается в том, что в ней наблюдается “средний Манн”: не Манн-консерватор в “Рассуждениях аполитичного” и не Манн-пессимист-антиконсерватор в “Докторе Фаустусе”, а некий центр. От раннего творчества остался культурпессимизм, убежденность в общественном и культурном разложении, вера в необходимость объединения и примирения противоположностей под “единым”, но при этом уже нет прежнего милитаризма, нет убежденности в необходимости войны, теперь она лишь следствие “людского тупоумия”; единым, что примиряет противоположности перестает быть нация или “немецкий дух”, вместо этого приходит некий гибрид образа культуры и Бога.

Манновский пессимизм неоригинален и удачно сочетается с тезисами Консервативной революции. Как уже было упомянуто, Манн длительное время был их активным сторонником, и именно их тезисы прослеживаются почти во всех творениях Манна. Младоконсерватизм становится еще интереснее, когда при подробном анализе начинает проявляться парадоксальная связь между великогерманским национализмом и Достоевским, Данилевским и почвенничеством.

Во-первых, понятие нации в младоконсерватизме весьма специфично. Оно основывается не на биологических факторах, евгенике или мистике, но на совершенно

духовном понимании нации и народа. Volk младоконсерваторский и “Volkishe” эзотэриков, кардинально различаются, из этого же понятия следует разное понимание национализма.

Пожалуй, важнейший текст этого учения, шедевр политической агитации, который необходимо исследовать – это “Третий рейх” Артура Мёллера ван дер Брука. Он был основателем Июньского кружка, который был объединением консервативной и молодой интеллигенции, а также призывал к объединению всех идеологий на благо Германии, а поэтому общался с Гитлером еще до пивного путча, к которому относился скептически, и одновременно с Карлом Радеком, из-за общего мнения о необходимости союза с Советским союзом и коллективной борьбе двух государств против Антанты. После пивного путча, мнение Мёллера ван дер Брука о Гитлере лишь ухудшилось, но его дальнейшее отношение к нацизму неизвестно, из-за внезапно совершенного им самоубийства в 1925.

Данная работа будет исследована для проведения грани между Консервативной революцией и нацизмом, т. к. за счет своей краткости и изобилия афоризмов будет достаточно легко продемонстрировать разницу между основными пунктами двух идеологий.

1. Мёллер ван дер Брук - открытый националист, который к этому национализму призывает, через отвержение гуманистических идей и “консерваторского патриотизма”, который по мнению автора, продемонстрировал свою несовершенство во времена Второго рейха. Но национализм этот совершенно имперский, а не евгенический:

*“Немцем является не только тот, кто говорит по-немецки, кто родом из Германии или же обладает ее гражданством. Страна и язык являются естественными основаниями нации, но свою историческую самобытность нация приобретает через ценности духовной жизни людей ее крови. Жизнь в осознании своей нации означает жизнь в осознании ее ценностей.”*¹⁸

Немец по духу, а не по происхождению уже отдаляет Мёллера ван дер Брука от нацизма, но это лишь наиболее заметная деталь. В кругах немецкой интеллигенции антисемитизм был не так распространен (Юнг и Хайдеггер не в счет), т.к. в ее круги входили сами евреи. Кроме того, он отказывается от крайне распространенного в то время социального дарвинизма и евгеники. Подобная позиция, непопулярна на западе, корни этой концепции идут с Востока.

2. Миссия Германии. Она напрямую вытекает из понимания нации. Миссия также совершенно империалистическая: не уничтожение, и колонизация земель других народов, но подчинение и демонстрация силы. Как отмечает Армин Молер в своем фундаментальном исследовательском труде “Консервативная революция в Германии в 1918-1932”, младоконсерваторы из Июньского клуба, например Юлиус Юнг, полагали, что “Народы равны, но только на метафизическом уровне, как люди равны перед Богом. Те же, кто переносит равенство людей в мир земной, грешит против природы и действительности”.¹⁹ Это же подтверждается текстом лидера движения:

¹⁸ Мёллер ван дер Брук, Третий Рейх,

https://anomaliiipoisk.ucoz.ru/bibliotecaneo/Armanizm/Artur_Myoller_van_den_Bruk-Trety_Reykh.pdf, стр. 4

¹⁹ Армин Молер, Консервативная революция в Германии в 1918-1933, Перевод с немецкого — А. В. Васильченко, Москва «Тотенбург» 2017, стр. 214

“Проблема немецкого пацифизма очень тесно связана с проблемой нашего наднационального предназначения, которая, безусловно, является самой сложной, самой давней и самой значительной проблемой немецкой истории. Жить не только для себя, но для всех народов, воздвигнуть памятник бессмертия, в котором наше нынешнее бытие останется различным в самые отдаленные времена и для самых дальних людей: это было сокровеннейшим желанием, которое двигало всеми событиями немецкой истории, которое вело нас через нее подобно тому, как ведет и будет вести все великие народы в их истории — в отличие от малых народов, думающих только о собственном «я». Величие человека: быть чем-то большим сверх того, что он являет сам по себе. Величие народа: быть еще чем-то сверх того, что он являет собой и сообщить о себе; обладать еще чем-то, что он может сообщить.”²⁰

Эта идея позже будет регулярно использоваться в пропаганде Геббельса и Розенберга на оккупированных территориях, в то время как “окончательное решение” будет оставаться в тени вплоть до окончания войны.

3. Отношение к Восточной Европе и России. Из предыдущего тезиса напрямую следует и этот. Если для большинства нацистских идеологов Восток является лишь “Лебенсраумом”, заселенным, по Розенбергу “дегенеративными монголоидами, подчиненных жидо-большевистскому игу”, то для Мёллера ван дер Брука в России существует отдельная, обособленная, Евразийская цивилизация:

“Правда, народы к востоку от нас берут от немецких ценностей то, что может быть им полезно. Но тот же немецкий язык есть лишь язык международного общения Евразии и Центральной Европы. Он посредничает в тамошних делах, но не затрагивает души. И если он стал языком-посредником Третьего Интернационала, то и здесь он передает лишь потребный делу интернационализм. Он передает лишь то, что принадлежит марксизму, но не тот великий космос немецкой духовности, который расположен перед Марксом, рядом с Марксом и против Маркса, который опровергает Маркса и при этом остается непостижимым. Даже те из русских, которые не отвергают, подобно Толстому, всю Европу, хотя и могут в силу своей национальной принадлежности принять лишь отдельные наши ценности: систематику, философский идеализм, Гегеля и, может быть, Шиллера. Бесконечность немецкого космоса, которая не ограничивается именами, закрыта и для них потому, что они обладают собственной безграничностью, чуждой нам и, напротив, простирающейся прочь и в сторону от Запада — в Азию.”²¹

Как и с национализмом, такая позиция была не очень популярна и не имеет предшественников в этой идее на Западе. Следовательно, это аналогично взято с Востока, который Мёллер ван дер Брук признает отдельной частью мира со своей миссией.

4. Национальная мистика, или “народ-Богоносец”. Автор презирует индивидуализм, противопоставляя ему коллективную заботу о нации. Он говорит о некой национальной загадке, совмещении противоположностей и несовместимого, причиной чего является национальная исключительность, объединяющая в себе все разносторонние аспекты этого мира:

“Ни в одной другой стране ценности не являются столь загадочными, столь необъяснимыми и непостижимыми, столь разрозненными и в то же время столь цельными, как в Германии. Здесь они подобны то сокровенным признаниям, то диким

²⁰ Мёллер ван дер Брук, Третий Рейх,

https://anomaliiipoisk.ucoz.ru/bibliotecaneo/Armanizm/Artur_Myoller_van_den_Bruk-Trety_Reykh.pdf, стр. 19

²¹ Мёллер ван дер Брук, Третий Рейх,

https://anomaliiipoisk.ucoz.ru/bibliotecaneo/Armanizm/Artur_Myoller_van_den_Bruk-Trety_Reykh.pdf, стр. 14-15

схваткам миров — хрупкие или могучие, приземленные или возвышенные, вплотную приближенные к действительности или совершенно отдаленные от нее — они нигде более не кажутся воплощением столь полярно несовместимого. Ни в одной другой стране они не соединены столь судьбоносным образом с историей нации: зеркало и лик, и трагическая исповедь немецкого человека, сотворившего их среди противоречий этой истории — не для себя, но для нации.”²²

5. Противоположности. Это, пожалуй, наиболее сложный и неоднозначный тезис автора. Одновременно эта идея является ключевой в учении Консервативной революции и потом будет часто встречаться у Юнгера и Шпенглера. Автор признает кризис культуры и конечность ее прогресса. Он ищет решение кризиса, и, что удивительно, находит его в объединении противоположностей под единым, в случае Мёллера ван дер Брука, единое — нация и ее миссия:

“Мы должны будем иметь силы для того, чтобы и сейчас снова быть «Вельфами», исполненными собственного племенного сознания, и в то же время «Гибеллинами», представляющими имперскую идею. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть варварами и христианами, католиками и протестантами, южными немцами и северными немцами, западными немцами и восточными немцами. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть для самих себя здесь — пруссаками, а там — австрийцами или баварцами, швабами, франками, гессенцами, саксонцами, фризами, и при этом оставаться друг для друга — немцами.

Нет никакой иной цели кроме государственной: не преобразовывать федеративное государство обратно в федерацию государств, но создавать Рейх, который будет и тем, и другим — Рейх, который снимет противоположности, подняв то и другое на новый уровень. Лишь в таком государстве вместо парламентаризма станет возможно народное представительство нации, в котором ее жизненная сила предстанет как направление воли.”²³

Анализ показывает, что основатель Июньского клуба выражает в “Третьем рейхе” несколько идей, несвойственных понятию национализма для Западного мира того периода. Причина этого в том, что Мёллер ван дер Брук был переводчиком Достоевского, а первое его полное собрание сочинений в Германии он издал совместно с Дмитрием Мережковским. Само понимание нации, миссии нации, нации-Богоносца парадоксально сочетается с идеями как самого Федора Михайловича, так и Данилевского и остальных почвенников. Отсюда же идет своеобразное уважение к “Евразийской цивилизации” и признание ее особого пути. В цели нашего исследования не входит задача искать прямые совпадения между почвенниками и Консервативной революцией, но их связь неоспорима как на уровне биографий авторов, так и основных тезисов.

Также, пятый тезис коррелирует с основной идеей “Волшебной горы” Манна. Но если в романе автор лишь говорит о кризисе культуры и его разрешении под чем-то единым, не уточняя, то сам Мёллер ван дер Брук утверждает, что единое, примиряющее противоположности — нация. Следовательно, концепция Манна также не уникальна и доказывает его связь с младоконсерваторами. Кроме того, Манн был известным “русофилом” и называл Толстого и Достоевского своими учителями, кроме того, он формирует целый пласт “русофильской интеллигенции” в Германии после публикации “Рассуждений аполитичного”.

²² Мёллер ван дер Брук, Третий Рейх,

https://anomaliiipoisk.ucoz.ru/bibliotecaneo/Armanizm/Artur_Myoller_van_den_Bruk-Trety_Reykh.pdf, стр. 6

²³ Мёллер ван дер Брук, Третий Рейх,

https://anomaliiipoisk.ucoz.ru/bibliotecaneo/Armanizm/Artur_Myoller_van_den_Bruk-Trety_Reykh.pdf, стр. 19

Становится очевидно, что несмотря на идентичное название, “Третий рейх” далек от нацизма в большинстве ключевых как теоретических, так и политических позиций. Артур Мёллер ван дер Брук – философ, его рассуждения полны противоречий, ницшеанских аллюзий и, что самое главное, поисками некой высшей, иррациональной силы, которая сможет воплотить идеалы автора. Явно проникнутый романтическим мистицизмом, мыслитель создал одну из наиболее утопических и нереализуемых форм имперского национализма, которая может существовать исключительно на бумаге и как достояние истории. “Третий рейх” идеально отражает настроения консервативной интеллигенции в Германии. Они оказались в положении, где любое примирение с реальностью приведет к вымыванию их принципов. Единственным возможным вариантом выживания их идей становится полная изоляция и уход в теорию, а не практику, что всегда фатально для политической идеологии.

Глава 2. Вечное: понятие времени и прогресса

Уже были проведены параллели между некоторыми тезисами Волшебной горы и идеями младоконсерватизма. Но теперь стоит объяснить другое важнейшее различие, причину, по которой Волшебная гора справедливо считается отходом от Консервативной революции. Стоит снова начать издалека: что есть время? Пожалуй, на этот вопрос в данный момент нет конкретного ответа ни в науке, ни в философии. Но на вопрос “Как идет время?” есть несколько убедительных ответов.

Христианская трактовка времени господствовала веками: это строго линейная концепция времени, время создал Бог, а следовательно, оно имеет начало и конец. Наиболее влиятельным сторонником этой концепции можно считать Фому Аквинского. В любой другой теории времени и прогресса христианство теряет смысл: Бог ничего не может создать в цикле, а роль спасителя и неизбежного Апокалипсиса пропадает, ведь нет самого понятия конца. Если же Спаситель лишь заканчивает этот цикл, а Бог начинает новый, то не ясно, почему тогда боги не могут чередоваться или меняться. Следовательно, время едино, линейно и объективно, оно не более, чем дар Божий. К двадцатому веку эта концепция времени сильно ослабевает, не в последнюю очередь, благодаря радикальной критике со стороны Фридриха Ницше. В следствие этого, появляется два новых представления о времени и прогрессе.

Но для начала, важно разделить понимание времени на субъективное и объективное. Первое, по-другому называется научным, и полностью соответствует представлению Аристотеля о времени. Философ утверждал, что мы воспринимаем как движение, так и время одновременно и различаем их согласно нашему восприятию, признавая, что между ними есть нечто отличное: «когда мы мыслим крайние точки отличными от середины, и душа отмечает два «теперь», тогда это именно мы называем временем, так как ограниченное моментами «теперь» и кажется нам временем».²⁴ Эту же идею можно легко проследить и у Манна в Волшебной горе: время в романе совершенно субъективно и зависит от событий, происходящих в санатории. Это заметно даже на описательном уровне: события трех недель в романе по объему равны описанию последующих семи лет. Ход времени меняется, он ускоряется, когда Ганс Касторп окончательно изолируется в санатории, лишившись почти всех знакомых, то тянется

²⁴ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Москва: Мысль, 1981; Т. 3., [3, с. 305].

мучительно долго, когда главный герой с нетерпением ожидает возвращения своей возлюбленной обратно в горы.

Субъективность времени для младоконсерваторов не чужда, и здесь трудно говорить о противоречии взглядов между Манном и консервативными революционерами. Младоконсервативное понимание времени трудно определить как объективное или субъективное. От первого в Консервативной революции остался техницизм и понимание бессмысленности обскурантизма, в то же время, время, эпоха напрямую зависит от человеческого фактора, но не единичного субъекта, а от цивилизации, народа, государства. Само понимание времени как бесконечных циклов и “бесконечного возвращения” противоестественно объективной трактовке времени. Следовательно, младоконсерваторы куда ближе к Манну, но в правиле “человек – мера времени”, они заменяют человека на “группы людей.”

Манн явно стоит на стороне Аристотеля, но понятие времени у него не заканчивается лишь на субъективизме. При внимательном анализе текста можно заметить, что в произведении появляются циклы, которые явно взаимосвязаны друг с другом: так, например, в центре внимания санатория поочередно оказывается Клавдия Шоша, Иоахим Цимсен и Мингер Пепперкорн. Также поочередно двое из них умирают, и после каждой их смерти начинается новая эпоха в жизни как санатория, так и самого Ганса Касторпа. При этом, все не возвращается на круги своя. Смерть — это небытие, и все персонажи каждый раз вынуждены мириться с потерей еще одного пациента, меняя свой собственный жизненный ритм. Например, при Иоахиме, Ганс предельно сконцентрирован на реальном мире, а время тянется медленно, после увлечения Клавдией Шоша время замедляется еще сильнее, после смерти Иоахима резко пролетают 3 месяца, а после смерти Пепперкорна – 7 лет. Таким образом, несмотря на очевидную цикличность, после очередного замыкания круга, все персонажи оказывается вовсе не там, где начинали, а в совершенно новой жизненной ситуации. Следовательно, вместе с существованием явных временных циклов, хронотоп горного санатория не лишается прогресса и последовательного развития.

Подобное представление о времени называется спиралевидным. Даже визуально, можно проследить сходство с ходом времени в Волшебной горе: несмотря на наматывающиеся круги, все продолжает идти вперед. Значительным сторонником спиралевидного времени можно назвать Гегеля; тезис и антитезис, две противоположности, что неизбежно приводят к синтезу. В романе тоже свой аналог диалектики: Сеттембрини выступает тезисом, а Нафта антитезисом, в то время как Ганс Касторп каждый раз порождает синтез и развивает их идеи, объединяя их.

Спиралевидность времени является несостоятельной концепцией в представлении младоконсерваторов: Манн предполагает прогресс, причем бесконечный, кроме того, подчиняет все субъективности и человеку. Наследие Консервативной революции о времени базируется на прямом оппоненте Аристотеля - Платоне. Он, как и его соотечественники, был сторонником циклического времени, что вполне характерно для языческого понимания времени. В конце “Федона” Платон от лица Сократа начинает космогоническое рассуждение о мире, где приходит к цикличности самой реальности, и что планеты рождаются и умирают друг за другом, подобно людям на них.²⁵ Платон, Гераклит и другие были лишены предрассудка о единственности нашей реальности и ее неповторимом начале. Платон стал первым философом в западной истории, который обсудил создание времени из ничего и рассматривал его в контексте творения Вселенной. Что касается хода времени, то в труде «Тимей» он высказал утверждение о том, что время

²⁵ Платон, Федон, <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/001-05.pdf>, стр. 75-80

и Вселенная возникли одновременно, и впервые представил концепцию «пространства».

²⁶Обсуждая вечные вопросы, он считал, что вечность отличается от бесконечного времени, вечность не знает ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни лет. По его мнению, о вечности нельзя говорить как о «будущем» или «прошлом», ее сущность лишь в «настоящем», тогда как «было» и «будет» относятся к процессу становления, протекающему во времени²⁷.

Следовательно, Платон был основоположником двух ключевых идей для младоконсерваторов: цикличности времени и концепции “Вечности”.

Глава 3. Утопическое: Гелиополь, эстетизм и фашизм

Первая идея важна для понимания Шпенглера и других крупных теоретиков Консервативной революции. Чисто консервативное представление о том, что пропорция добра и зла в мире принципиально не меняется находит свое радикальное отражение в разделении Шпенглером культуры и цивилизации, где цивилизации поочередно сменяют друг друга, возвращаясь в момент краха в исходное положение. От классических консерваторов младоконсерваторов достается скептическое отношение к прогрессу, где они видят лишь бессмысленное хождение по кругу, а также утверждение, что прогресс не меняет пропорцию блага в мире. Однако же, если их предшественники видели выход в сохранении старого и религиозных ценностях, в умах консервативных революционеров засчет второй концепции – “вечности”, родилась великая утопия, утопия о “Шаре” которая намного лучше прослеживается в художественных трудах младоконсерваторов.²⁸

Стоит отметить саму причину, по которой для понимания теоретической базы Консервативной революции художественные тексты не менее, а возможно даже более важны чем теоретические. Ценность этих текстов крайне велика, так как они являются теоретической основой для идеологии, полностью монополизировавшей немецкую литературу и философию, уступив “Новому искусству” в музыке, живописи и архитектуре. Причиной подобного можно считать саму форму выражения “Консервативной революции”. В работе Армина Молера первая часть не зря посвящена феномену мировоззрения: младоконсерваторы были не философами, но и не писателями²⁹. Это были тысячи интеллектуалов, которые подобно пчелам перелетали с цветка на цветок, из города в город, публикуя свои немногочисленные статьи в малоизвестных журналах для их же единомышленников. Консервативная революция никогда не имела массового характера, а также находилась под глубочайшим влиянием Ницше. Следствием этого стало рождение новой формы выражения мысли, перенятой во многом из “Так говорил Заратустра”. Исключениями можно считать разве что Шпенглера с монументальным “Закатом Европы”, но даже он писал специфические статьи без строгой доказательной базы, например, “Воссоздание германского рейха”, а также Карла Шмитта. Остальные, например, формальный основатель движения Консервативной революции, Мёллер ван дер Брук,

²⁶ Платон, Тимей, https://www.100bestbooks.ru/files/Platon_Timey.pdf, стр. 27-28

²⁷ Цю Таожуй, ФОРМИРОВАНИЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО И ЛИНЕЙНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ // МНКО. 2024. №4 (107). URL: (дата обращения: 04.01.2025)

²⁸ Армин Молер, Консервативная революция в Германии в 1918-1933, Перевод с немецкого — А. В. Васильченко, Москва «Тотенбург» 2017, стр. 136-137

²⁹ Армин Молер, Консервативная революция в Германии в 1918-1933, Перевод с немецкого — А. В. Васильченко, Москва «Тотенбург» 2017, стр. 43-46

известен только засчет двух коротких и метафоричных статей: “Третий Рейх” и “Прусский стиль”. Есть те, кто в подобной стилистике создавали более крупные работы, например Фридрих Хильшер со своей “Державой”, изобилующей метафизическими и религиозными метафорами, а не строгой системой взглядов и правил. Консервативной революции чужд строгий стиль и четка форма изложения, она по заветам Ницше творится афоризмами и многослойными метафорами, через которые, в представлении авторов, и доходит не просто собрание идей, а мировоззрение. Но если Мёллер ван дер Брук, Хильшер и Юлиус Юнг держали грань между художественностью, а Шпенглер и Шмитт писали полноценные трактаты, то на чисто литературном фланге находились братья Юнгеры, младший как поэт-ницшеанец, старший как авторитетный военный и автор мемуаров о войне и романов, и ранний Томас Манн.

Именно им, как наиболее творческим и чувствительным натурам, удастся передать не только суть их мировоззрения, но образ мира вокруг, в прошлом, настоящем и будущем. Однако, когда такие творческие личности сталкиваются с чем-то поистине страшным, рождаются “эскапистские романы”, или же “отповеди фашизму”, как говорил Гессе. В худшие годы Германии мы можем столкнуться сразу с несколькими подобными: “Игра в бисер” Гессе в 1943, “Доктор Фаустус” Манна в 1946, а также “Гелиополь” Юнгера в 1949 году.

Отцом художественной литературы в направлении Консервативной революции можно считать уже упомянутого Эрнста Юнгера. В его магнум опусе “Гелиополь” полностью воплощается та вечность, которая так притягивает младоконсерваторов. Нет смысла в прогрессе, даже по кругу, как у Манна, напротив, прогресс должен замкнуться и обосноваться на принципах вечных, а не временных. Так, в ранее упомянутом романе технологический прогресс достиг такого уровня, что общество просто не надо было прогрессировать дальше. Поэтому в таинственном Гелиополе летают машины, здания достигают небес, а корабли отправляются в космос, в то время как военные путешествуют исключительно на лошадях и учат богословскую мораль, а элита проводит время в Пагосе, аналоге древнегреческого Парнаса, где пьют вина многолетней выдержки. Прослеживается эта Вечность даже в мелких деталях, как например в том, что в этом сверхразвитом мире введен золотой стандарт у валюты, так как “объединил в себе консервативное и либеральное”,³⁰ ведь средств добычи золота стало многократно больше, так что теперь, пропал и риск инфляции, и дефицита золота. Другой вариант – описание погребений. В результате военного конфликта люди начали прятать тела умерших в подземных катакомбах, подобно ранним христианам. Одновременно, в городе проживают парсы, со своим древним обрядом оставления трупов на растерзание стервятникам. Все концепции, идеи, аспекты культуры и обряды смешиваются в гигантском плавильном котле и порождают настоящую башню из слоновой кости, где эта вечность предельно эстетизирована Юнгером, как и существование в ней не просто элиты, но “сверхлюдей”. Их быт и нравы напрямую противопоставляются массовой культуре и массам вообще.

В этом мире уже давно нет прошлого и будущего, эти понятие просто не нужны, все, как и завещал Платон в “Тимее”. Юнгер создает утопию, в которой уже не стоит вопрос прогресса, для младоконсерваторов он давно решен. Время – часть утопии, что утратило свою ценность и подчинилось технологическому детерминизму, таким образом, сделав каждое событие, происходящее в романе, актуальным для любого другого момента

³⁰ Эрнст Юнгер, Гелиополь, https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZlZUcwJsI1XkKbKRxVO8EfIYANSrEf1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf, стр. 92

во времени. Вместе со временем, все материальное приобретает статус единого, в одну реку теперь можно войти дважды. Но если это удалось сделать в мире материальном, то вовсе не значит, что даже в утопии Юнгера единства удалось достичь в обществе, что уже было показано. И “Гелиополь” дает ответ, полноценную альтернативу массовой культуре и эгалитаризму: Юнгер создает учение об Элите, или же новое понимание ницшеанского сверхчеловека и “Право имеющего”.

Масса, или низшее сословие здесь – не более чем сброд, который всеми силами хочет уничтожить эту высшую прослойку эстетов, а во главе этих разрушителей утопии стоит Ландфогт – вероятнее всего, аллюзия на левое крыло НСДАП во главе с Ремом и штурмовиками, на что указывает описание содомитских оргий и гедонистического образа жизни верхушки Ландфогта. Если продолжать искать исторические связи, то элита во главе с Проконсулом – старое прусское юнкерство, которое лишь частично симпатизировало нацистам. По большей части, они и должны были бы стать стержнем Консервативной революции в построении “правильной национальной Германии”. В то же время, в ранние тридцатые НСДАП делали ставку на три миллиона штурмовиков, цепных псов Рема, которые были готовы по одному приказу устроить на улицах террор и беспорядки. Но после получения Гитлером власти они стали ему просто не нужны: их многочисленные региональные ячейки были опасны, а также часто склонялись влево, в сторону крыла Штрассера. Следствием этого являлись призывы к национально-пролетарской революции и уничтожению старой элиты. Гитлер поступил наиболее цинично и разумно в его ситуации, уничтожив верхушку СА в Ночь длинных ножей под предлогом разложения морали и обвинении в содомии. Взамен, новоиспеченный фюрер получил безоговорочную поддержку Рейхсвера и старых элит. В утопическом городе Гелиополе метафорически показана политическая арена Германии в 1932 году, только помноженная на вечность: официально, НСДАП возглавил коалицию и получил в стране власть. В то же время, во всем Президентском кабинете Гинденбурга было всего лишь два министра-нациста, даже без портфеля. В то время как Ландфогт (НСДАП и Гитлер) обладает официальной силой и поддержкой масс, Проконсул (Гинденбург, фон Папен и Шлейхер) удерживает Дворец и все основные опоры государства, фактически, обладая реальной властью. Дальше в романе разворачивается сценарий, в котором Гитлер бы не нашел компромисса с юнкерами: Гелиополь тонет в насилии – основном инструменте влияния солдат Ландфогта (СА), а главной жертвой террора становится община парсов (евреев) за их принадлежность к Восточной культуре. Смерть мессира Гранде, который из-за своего гедонизма явно напоминает Рема, провоцирует геноцид парсов, что перекликается с убийством немецкого дипломата евреем во Франции, следствием чего стала Хрустальная ночь.

Но это насилие ужасно не само по себе, оно лишь демонстрирует разлад в обществе, а также апокалиптические предпосылки. Само по себе насилие не является в представлении Юнгера и других консервативных революционеров чем-то отрицательным. Как уже было сказано, их понимание времени и прогресса противопоставлено христианской трактовке. Такая оппозиция христианству заметна вовсе не только в вопросе времени. Явное различие заметно и в вопросе утопии: Вечность в конце, в единстве с Богом, против рукотворной вечности и Единства. Также, нельзя забывать, о влиянии Ницше на консервативных революционеров, следствием чего становятся явные симпатии к язычеству и античной культуре. По этой причине младоконсерваторам совершенно чужд христианский догматизм, и в первую очередь эгалитаризм. Консервативная революция – сверхэлитарное учение, “консервативная модель мероприятий должна оставаться невидимой за ширмой ее либерального исполнения” (Гелиополь), которое, подражая

древним грекам не видит в этом ничего греховного, как и в других деяниях, кажущимися совершенно недопустимыми для христиан. Это касается в первую очередь насилия и войны – в представлении Юнгера и его единомышленников это вполне нормальное и неизбежное явление, предвещающее очередную смену цивилизаций. “В стальных грозах” можно считать прямой антитезой “На западном фронте без перемен”: Ремарк делает акцент на судьбе каждого солдата по отдельности, на трагедии “потерянного поколения”.³¹ В то же время, для восемнадцатилетнего Юнгера Первая мировая война – приключение, испытание народов. Слово “Я” заменяется на “Мы”, акцент на личности пропадает, юный лейтенант без преувеличений описывает военный быт, в котором нет места переживаниям или рассуждениям о высоком.³² Под Стальными грозами куется новая общность, новая нация. Там, в окопах юные солдаты приобретают невиданный в мирное время уровень привязанности, братства, причем братство это охватывает и противоположный окоп с французами и англичанами. Все они – люди нового мира, нового времени, новое сословие, которое поведет за собой Национальную революцию. В этом заключается единственное сходство между Юнгером и Ремарком – полное отсутствие какого-либо презрения к своим врагам, напротив, это такие же люди как мы, которые заслуживают сострадания, по Ремарку, или творящие новый мир, по Юнгеру.³³ Прямым следствием антихристианской позиции, а также положительного отношения к насилию и язычеству становится роковой феномен начала двадцатого века – эстетизация насилия. Не только насилия, но и других консервативных элементов: фасции, римский салют в Италии, и черно-бело-красное знамя с прусским орлом в Германии. Как можно описать подобное отношение? В Трактатке Армина Молера, подобный эстетизм – предтеча фашизма.³⁴ Совершенно левое понимание общности и коллектива, где важность личности исчезает, смешивается с яростным национализмом фронтовиков, а также подражанием национальной культуре и национальному мифу, в следствие чего, порождает совершенно новую идеологию. В таком случае, “Средний” период творчества Юнгера, а также таких авторов как Д’Анунцио, Моррас и Эвола можно считать чисто фашистскими: все они также, как и консервативные революционеры искали нечто Единое и Объединяющее в коллективе, в новом сословии. Так, у Юнгера и Муссолини выбор пал на фронтовиков, а у Фольксфронта, Эволы, Кодрану и Морраса на крестьян и аграриев.

Встает очевидный вопрос: грань между Консервативной революцией и нацизмом была проведена после анализа работы Мёллера ван дер Брука, но в чем тогда отличие от фашизма? Этот вопрос значительно сложнее, и бесспорно, что исследуемое учение намного ближе к фашизму, чем к нацизму. Даже главный исследователь Консервативной революции Армин Молер в интервью на вопрос о его фашизме ответил “Разве что в толковании Примо де Риверы”. Но различия все равно есть, и в первую очередь, они

³¹ Эрих Мария Ремарк, На Западном фронте без перемен, Эрнст Юнгер, в стальных Грозах https://psv4.userapi.com/s/v1/d/eLslrOFJmubKBkkyMgdfZhJEdI2nKxfU45SX8wRwPCzn-8aCVjhvaF7fvIHNIJXMJShncSFEFhxDO2PjDYma-o-wXg6TO618ahK0psCxBJ7EpgBO5nQ-w/Ernst_Yunger_V_stalnykh_grozakh.pdf, стр. 147-149

³² Эрнст Юнгер, В стальных Грозах https://psv4.userapi.com/s/v1/d/eLslrOFJmubKBkkyMgdfZhJEdI2nKxfU45SX8wRwPCzn-8aCVjhvaF7fvIHNIJXMJShncSFEFhxDO2PjDYma-o-wXg6TO618ahK0psCxBJ7EpgBO5nQ-w/Ernst_Yunger_V_stalnykh_grozakh.pdf

³³ Эрнст Юнгер, В стальных Грозах https://psv4.userapi.com/s/v1/d/eLslrOFJmubKBkkyMgdfZhJEdI2nKxfU45SX8wRwPCzn-8aCVjhvaF7fvIHNIJXMJShncSFEFhxDO2PjDYma-o-wXg6TO618ahK0psCxBJ7EpgBO5nQ-w/Ernst_Yunger_V_stalnykh_grozakh.pdf, стр. 85-86

³⁴ Армин Молер, Консервативная революция в Германии в 1918-1933, Перевод с немецкого — А. В. Васильченко, Москва «Тотенбург» 2017, стр. 281

закljučаются в уже неоднократно упомянутом элитаризме консервативных революционеров. Им было вполне ясно, что их мечты о немецком Гелиополе – лишь утопия, вследствие чего, они искали в разных сословиях способ воплощения их идеалов. Наибольшего успеха в этом достиг Черный фронт, который сделал ставку на фронтовиков и пролетариев, но в итоге проиграл нацизму. Причина, по которой фашисты смогли перенести ультранационализм на конкретное сословие, а консервативные революционеры нет, заключается в том, что фашизм имеет левые и социалистические корни (Муссолини – бывший социалист, также как и Марсель Деа, Маресь Бюкар, Жак Дорио, Жорж Валуа, Эрнст Никиш, Геббельс) и изначально предполагает чисто экономическое и материальное классовое деление, а нацизм расовое и евгеническое, в то время как младоконсерваторы происходят от Ницше, из-за чего их разделение общества совершенно метафизично и абстрактно. Люди делятся на обычных и “Сверхлюдей”.

Гелиополь – единственный “эскапистский роман”, в котором описано простое, низшее сословие. В подавляющем своем большинстве эти творения полностью зациклены на высшем сословии, так что для понимания того, как “Сверхлюди” представлялись младоконсерваторам и другим великим писателям Германии обратимся к трем основным произведениям, написанным в то страшное время. Отличительным признаком всех описываемых произведений является наличие высшего, изолированного от остального мира сословия гениев и сверхлюдей.

Для понимания причины подобной особенности можно использовать интерналистский и экстерналистский подход к истории философии. Если идти через первый, то необходимо обратиться к устройству государства и отцов западной философии: Платона и Аристотеля.³⁵ Они оба предлагают утопичную модель общества, которые воплощают в себе два противоположных понимания цели государства. Так, у Платона все общества строго разделено на 3 сословия, где высшие два: философы и воины – лишены почти всех материальных благ, для полного воплощения присущих им благодетелей: мудрости и ярости соответственно. Добродетель же последнего сословия – умеренность, или же избегание плеонексии. Для того чтобы создать в обществе подобие социальных лифтов, Платон предлагает систему экзаменов для каждого ребенка в каждом сословии, которая и определит, попадет он сначала в воины, а потом в философы, или навсегда останется в третьем сословии. Но подобное звучит как костыль, и проблема гения является одной из основных в утопической модели Платона. Но утопичное общество Гелиополя обладает той же самой проблемой: “Вы будете действовать по высшему поручению, неся службу во имя общего блага”, “в государстве солдату отводится роль слуги, а не господина” – прямая отсылка на Платона. Следовательно, уже имеющаяся элита также не устраивает Юнгера, и ей, также как и народной массе противопоставляется третий вид, настоящее третье платоновское сословие, в то время как в Гелиополе их всего лишь два.

Консервативным революционерам чуждо Аристотелевское понимание идеального государства с благосостоянием ради искусства: “... человек рассматривается как политизированное существо (“человек – существо политическое”-Аристотель). Против этого есть серьезное возражение – человеку дан разум, а с ним и понимание вины”.³⁶

³⁵ Трубецкой, С. Н. Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении / С. Н. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. - М., 1890. - Год I, кн. 4. - С. 1-36.

³⁶ Эрнст Юнгер, Гелиополь, https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZIZUcwJsI1XkKbKRxVO8EfIYANSrfe1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf, стр. 113

Проблема гения становится для них рычагом для создания более совершенных форм утопии.

Вторая важная деталь, которая создает концепцию сверхчеловека, это конечно же Ницше. Еще в своей работе «Философия в трагическую эпоху Греции», он приводит несколько основополагающих концепций для консервативных революционеров. Во-первых, он развенчивает миф о древнегреческом рационализме, предполагая, что вакхическое пиршество из Элевсинских мистерий, культы Ориона, и мистические практики предшествовали философскому подходу и Платоновскому рационализму, где бытие отождествляется с мышлением³⁷. Сразу же можно провести параллель с Гелиополем, где Юнгер, создавая своего нового сверхчеловека неоднократно говорит, что “поэзия проникает глубже, чем научное познание”;³⁸ “каждая наука отталкивается от целого и должна в итоге обогащать это целое”³⁹, “наука бюрократизируется, принимает на себя функции высшей политической инстанции”⁴⁰ – вспомним трактовку о единой науке Хайдеггера из начала статьи; также, одной из последних ступеней становления сверхчеловеком становятся наркотические галлюцинации от конопли, от которых главный герой Луций наконец просвещается.

О чем он просвещается? Здесь уже стоит отметить третье различие – отношение к метафизике. Ницше, подобно элите Гелиополя полагает, что метафизика должна стоять под сверхчеловеком, и что это лишь элемент его гармонического развития. Если плебсу метафизика в тягость, то для “Новой элиты” – это очередной способ утвердить свое превосходство. Находятся и радикальные кадры в романе, подобно Патрону, который символизирует многих современников Юнгера, пропагандирует полный отказ от метафизики ради достижения максимальной утилитарной эффективности среди “новых людей”. Но если в двух предыдущих пунктах Ницше и Юнгер были совершенно солидарны, то здесь случается принципиальное расхождение. Для Юнгера, его сверхчеловек намного ближе к платоновскому философу, ведь он должен знать и просвещаться, но при этом вправе использовать эзотерические и дионисийские практики для этого, вплоть до употребления наркотиков, чем в последствии грешил и сам Юнгер. Но вот отношение к познаваемому, к метафизическому Единому у Юнгера значительно ближе к “твари дрожащей”, чем к “право имеющему”. Юнгер высказывает недопустимость отношения к метафизике как к игре, или к чему-то, что стоит ниже человека, даже сверхчеловека.

В следствие этого, Юнгер начинает предвещать экзистенциалистов на пару с Хайдеггером, попутно чуть ли не цитируя его: “Истина сокрыта в неделимости цельного”⁴¹. Итак, третий вид, третье сословие, которого так ожидает наш мир, должен

³⁷ Фридрих Ницше, Философия в трагическую эпоху Греции,
<https://www.nietzsche.ru/works/other/philosoph/?curPos=1>

³⁸ Эрнст Юнгер, Гелиополь,
https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZlZUcwJsI1XkKbKRxVO8EfIYANSrfe1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf, стр. 8

³⁹ Эрнст Юнгер, Гелиополь,
https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZlZUcwJsI1XkKbKRxVO8EfIYANSrfe1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf, стр. 12

⁴⁰ Эрнст Юнгер, Гелиополь,
https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZlZUcwJsI1XkKbKRxVO8EfIYANSrfe1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf, стр. 14

⁴¹ Эрнст Юнгер, Гелиополь,
<https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZlZUcwJsI1XkKbKRxVO8EfIYANSrfe1GBNpGogYrMu->

совершить “третью революцию”. И революция будет направлена не против плебса, но против сверхлюдей: “Следующий шаг будет состоять в том, что и сверхчеловека тоже необходимо побороть и он потерпит крах от человека, который в борении с ним получит высшую власть”⁴². Кроме того, Юнгер неоднократно упоминает, что в процессе существования человек активно страдает, в следствие чего и начинает познавать Единое и истину, но и преклоняться перед ней. Следовательно, юнгеровский страдающий сверхчеловек-философ в конечной итоге и после свержения Тимократии “установит такой вид власти, которой под силу принимать высшие решения.” Проще говоря, Юнгер скрещивает Ницше и Платона, беря от первого дионисийские практики, опровержение рационализма, “героический реализм”, ведь именно посредством восприятия реальности в ее чистоте и совершенстве рождается истинный героизм и сверхчеловек, а также использование зороастризма, как двойной метафоры: на культ чистоты в этой религии, а также из-за “человека должен побороть сверхчеловек” (вторая революция), а также “в нашем мире добро и зло отделены и в потустороннем мире”⁴³ – проще говоря, вечное равенство в пропорции добра и зла в борьбе Аримана с Ахурамаздой, что свойственно консервативному пониманию блага в мире; от Платона же он берет трехсословное деление общества, “высшую власть” от “высшего сословия”, преклонение перед единым и метафизикой, запрет на плеонексию, а также строгую изолированность высшего сословия от всех остальных, что мы и наблюдаем в конце романа.

Юнгер заканчивает исходом, тем, как трое достойных покидают Гелиополь для службы Регенту – правителю-философу. Но Третья революция так и не случается: Регент со своими новыми подданными продолжают быть совершенно изолированными от остального мира и политики, в то время как остальные ожидают их воцарения. Ожиданием и апокалиптическим предчувствием пропитан весь роман: социальные институты распадаются, а очевидность новой войны усиливается, но главной причиной “начала конца” становится осознание недопустимости передачи власти ни одной из воюющих сторон. Все, чем может ответить Юнгер – это запереться в башне из слоновой кости вместе с другими “элитами” в ожидании конца. Писатель прошел долгий путь от солдата до идейного консервативного революционера и фашиста, пробыв в поисках той самой движущей силы сначала в юных фронтовиках, которым тоже являлся, а также в старой интеллигенции и аристократии, где и зародилась идеологическая база Консервативной революции. Осознав, что ни одно из сословий не подходит на эту роль, и увидев собственными глазами, до какого уровня кровопролитие на самом деле может дойти на фронтах Второй Мировой войны, Юнгер незаметно критикует эстетизацию насилия в лице персонажа Винтерфельда, который явно олицетворяет в себе молодого лейтенанта Юнгера: “Юноша еще был неуравновешенным и навлекал на себя одну беду за другой, но его горячность смягчалась присущим ему тонким вкусом к прекрасному, что было свойственно их роду и отличало еще его предка, героя битвы при Гогенфридберге,

[wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf](https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZlZUcwJs11XkKbKRxVO8Ef1YANSrfe1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf), стр. 185

⁴² Эрнст Юнгер, Гелиополь,

https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZlZUcwJs11XkKbKRxVO8Ef1YANSrfe1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf, стр. 186

⁴³ Эрнст Юнгер, Гелиополь,

https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZlZUcwJs11XkKbKRxVO8Ef1YANSrfe1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf, стр. 170

главу их рода.”; ⁴⁴а также прийти к выводу, что спасение можно искать лишь в третьем, в том, чем сейчас общество не обладает. Юнгер наглядно демонстрирует, что единственным логическим завершением идей Консервативной революции является исключительно абсолютный эскапизм: мир, в котором мечты об утопии и Сверхчеловеке или разрушаются, или вырождаются в нацизм, не годится на данный момент для их идеалов, а значит несколько поистине просвещенных должны просто удалиться и ожидать своего часа, момента, когда случится уже их Триумф воли.

Но не все подобно Юнгеру ждут Апокалипсиса и предвещают Спасение, другие Апокалипсис запечатлевают, и используют куда более христианские и западные образы для выражения этого. “Доктор Фаустус” и “Игра в бисер” заходят дальше идей Консервативной революции, но дают возможность наравне с Гелиополем рассмотреть, как литература военного периода, от противников консерватизма, отвечает на вечные вопросы “Кто виноват?” и “Что делать?”

Глава 4. Смерть идеи: Доктор Фаустус, Игра в бисер

Спустя 23 года после публикации “Волшебной горы” Манн сильно изменил свое мировоззрение. На протяжении всего времени существования Веймарской республики писатель продолжал склоняться к леволиберальным идеям от изначального фланга правого консерватизма. “Волшебная гора” засвидетельствовала этот перелом, присущий вовсе не только Манну. Второй же перелом в его творчестве был куда более трагическим и не возымел за собой продолжения, ведь произведения изначально создавались как засвидетельствование смерти Германского духа и культуры. Роман “Доктор Фаустус” был манновской отповедью фашизму, где он составил одну из самых последовательных и логичных попыток не только одновременно очистить интеллектуальную элиту Германии от клейма нацизма, но и уличить истоки этой идеологии в рядах своего же сословия.

Метод повествования в романе куда более присущ другу Манна, Герману Гессе: рассказчиком выступает приближенное лицо, которое как бы пишет биографию главного героя, попутно отвлекаясь на события из актуальных времен. Цейтблом представляет из себя наиболее классического немецкого интеллектуала межвоенной эпохи. Он был воспитан в традициях старой, викторианской эпохи и все ещё ценит “гуманистическую мораль”. Однако, нетрудно догадаться, что рассказчик совершенно ненадежен. Причиной этого является одно из двух качеств, критикуемых Манном в романе – безволие и двоемыслие. Цейтблом с момента своего детства наблюдал подле себя взросление и жизнь настоящего гения, человека, изменившего эпоху – Адриана Леверкюна. Рассказчик просто не способен осознать величину таланта этого человека, и свою роль играет его безволие: он не способен сосуществовать с чистой архаикой, так что использует мистические способы объяснения мира вокруг. Так в романе рождается тонкая грань, возможность трактовать сюжет как с сугубо реалистической позиции, так и верить Цейтблomu, и его рассказу о том, как Леверкюн, подобно Фаусту, заключил сделку с Мефистофелем, отдав свою душу взамен на талант.

⁴⁴ Эрнст Юнгер, Гелиополь, https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZlZUcwJsI1XkKbKRxVO8EfIYANSrEf1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl61xb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf, стр. 188

Зачем Манн вводит подобную метафору? Во-первых, Манн демонстрирует ставший очевидным после Второй мировой войны факт того, что “гуманизм” резко отходит в умах интеллигенции на второй план, просто потому что она не способна ни обосновать свою викторианскую мораль, ни ее защитить с оружием в руках. Именно при их попустительстве нацизм смог получить власть, и лишь немногие среди интеллектуальной элиты пытались бороться. Сам Манн в 1930 году на вручении литературной премии произнес свою легендарную речь “Обращение к разуму”, где призывал к объединению левых и либеральных партий перед общей угрозой. В то же время и началась массовая эмиграция немецких интеллектуалов за границу, которые уже поняли, что опомнились слишком поздно. Манн и Гессе перебрались в Швейцарию, где продолжили антифашистскую агитацию. Итак, становится понятно, что Цейтблом – в какой-то степени коллега Манна, кто, продолжая верить в гуманизм, не заметил всей антигуманной сути нацизма.

Когда до власти рвется архаическое зло, подобное нацизму, интеллигенты были способны лишь забиться в свои узкие кружки по интересам, кто посмелее и уважаемей писал едкие и метафоричные сатиры по типу “На мраморных утесах”. Во время Великой депрессии стало очевидно, что интеллигенция эпохи модерна утратила связь с остальным миром и возможность на него воздействовать. Эти люди достигли пика развития культуры и философии, но не вернулись обратно в пещеру освобождать оставшихся. Идеи Юнгера и консервативных революционеров не достигли умов масс, так как они или побрезговали, или были неспособны донести свои взгляды. Нацизм остался совершенно неуязвим к любым нападкам со стороны элит, напротив, даже получил поддержку. Именно этот факт является настоящим потрясением для Манна, крахом всех его, и не только его, убеждений о силе его сословия и возможности “Призыва к разуму” от писателей и творцов, когда это требуется.

Проще говоря, Манн показал бессмысленность теоретической критики фашизма, когда абсурдность идеологии и так ясна, когда на практике же он подчиняет все на своем пути. Манн винит немецкую интеллигенцию, чьим главным детищем была Консервативная революция, идея, настолько оторванная от реальности, что даже Юнгер в своем главном творении признал единственную возможность воплощения его идей – спрятаться и ждать. Консервативная революция, как и любое другое детище модерна, оказалась не просто бесполезной, но вредоносной, когда озлобленные народные массы снова возжелали крови.

Манн решил развенчать миф об архаике фашизма, представлении о нем, как о из ниоткуда взявшемся абсолютном зле. По ходу романа Цейтблом начинает противоречить сам себе, сам того не понимая. Видя в нацизме нечто абстрактное, дар от Мефистофеля, читатель замечает в его воспоминаниях настоящие корни нацизма, незаметные для их автора. В каждом персонаже, описываемом Манном, сочится великогерманский шовинизм: «Франция по воле истории уже веками является поборницей антихристианства в Европе. У Германии миссия прямо противоположная, ты бы знал и чувствовал это, Леверкюн, если бы не был Адрианом Леверкюном, иными словами: слишком холодным, чтобы быть юным, слишком разумным, чтобы быть религиозным. С таким разумом можно далеко пойти в церкви, но не в религии.»⁴⁵; «О личности здесь вообще речи нет, и если кто-нибудь восклицает «Германия» и в этом усматривает идею единения, то он не должен ничего доказывать, ибо никто, включая его самого, не спросит у него доказательств тому,

⁴⁵ Томас Манн, Доктор Фаустус https://imwerden.de/pdf/thomas_mann_doktor_faustus.pdf, стр. 76

что в нем лично, в качествах его души представлено немецкое начало и что он способен верно служить ему в мире».⁴⁶

Второй ключевой период в романе – Веймарский. В нем Манн усматривает невиданный уровень разложения и декаданса, превосходящий даже Шарля Бодлера и Оскара Уайльда. На пепелище второго рейха расцветает упадничество и парадоксализм: «И сумеете нести ее с достоинством, — перебил он меня. — У Германии широкие плечи. И кто станет отрицать, что настоящий такой прорыв стоит того, что именуется преступлением наивно-добродетельный мир!»⁴⁷; «Чувство, что завершилась эпоха, не только охватывавшая девятнадцатый век, но восходившая к концу средневековья, к подрыву схоластических связей, к эмансипации индивидуума, к рождению свободы, эпоха, каковую я, собственно, должен был считать своим вторым, духовным отечеством, словом, эпоха буржуазного гуманизма, ощущение, что час этой эпохи пробил, что жизнь меняется, что мир вступает под новые, еще безыменные созвездья, — это невероятно настораживающее чувство, рожденное, правда, не окончанием войны, а уже ее началом, через четырнадцать лет после смены столетий, и было первоосновой потрясения, страха перед судьбой, изведенного тогда такими, как я. Не удивительно, что всеразлагающее поражение довело это чувство до крайности, как не удивительно также, что в поверженной стране, в Германии, оно решительнее овладело умами, чем у народов-победителей, чье душевное состояние, именно в силу победы, было куда консервативнее».⁴⁸ Тут же начинают прослеживаться смешения ницшеанства и декадентства: «У меня в крови Ветхий завет не менее серьезная штука, чем немецкая сущность, а это тоже не очень то располагает в пользу *valse brillante*. Конечно, это немецкий предрассудок воображать, что за рубежом царит только *valse brillante*, а серьезность — достояние одной Германии.»⁴⁹

В эпоху пустого формализма и разложения как никогда сильна потребность в чем-то новом. В третьем: в третьей Империи, в третьей революции, в третьей альтернативе. Именно потребность создания чего-то нового воплощается в главном герое – Адриане Леверкюне. Он действительно гениален и создает новый вид музыки, но музыка эта лишена души, а самое главное – гуманизма, какого-либо отношения к человеку в принципе. Подобно Леверкюну в Германии власть берет национал-социализм, который рекордно быстро воплощает “*Ordnung*” (порядок), после чего демонстрирует невиданные успехи на фронте, захватив почти всю Европу. Но всегда наступает час расплаты: Леверкюн теряет всех своих близких, его жизнь погружается во мрак и безумие, так же, как и Третий рейх все ближе шел к своему неминуемому краху.

Разве это была альтернатива, то, что все это время искала Германия? Манн показывает, что нет, что искусство, исходящее от черта, а не человека не только опасно, но и не является искусством вовсе. И действительно, при анализе музыки Леверкюна становится ясно, что его раннее творчество идентично “Франко-прусской войне” из Бесов Достоевского, где обыгрывается “Марсельеза” и Прусский марш одновременно.⁵⁰ Аналогично Леверкюн лишь играет с формами, его новая музыка – иллюзия, не более чем наиболее изощренная форма упаднической игры с уже существующей культурой. Аналогично, консервативные революционеры взяли за опору старое, ницшеанское и “Германское” и перенесли на актуальную политическую повестку. В упаднической

⁴⁶ Томас Манн, Доктор Фаустус https://imwerden.de/pdf/thomas_mann_doktor_faustus.pdf, стр. 82

⁴⁷ Томас Манн, Доктор Фаустус https://imwerden.de/pdf/thomas_mann_doktor_faustus.pdf, стр. 199

⁴⁸ Томас Манн, Доктор Фаустус https://imwerden.de/pdf/thomas_mann_doktor_faustus.pdf, стр. 227

⁴⁹ Томас Манн, Доктор Фаустус https://imwerden.de/pdf/thomas_mann_doktor_faustus.pdf, стр. 262

⁵⁰ Федор Достоевский, Бесы https://www.100bestbooks.ru/files/Dostoevski_besy.pdf, стр. 164

атмосфере просто не могло родиться что-то новое, ведь искусство подобного периода, еще помнящее и ассоциирующее себя со старым, построено лишь на деконструкции уже существующей культуры. Следовательно, Консервативная революция не возымела успеха не только из-за своей элитарности, но и из-за того, что только имитировала качественно новую идею, выставляя за что-то новое “Единую науку”, которую не различишь с обыкновенной метафизикой и теологией и “Третьего человека”, в котором угадывается просто ожидание мессии. Отстраняясь от теории, становится очевидно, что идея младоконсерватизма – не более чем продукт эпохи, когда спрос на ницшеанство и платонизм, как стремление к абстрактной, божественной цели к, которой ведут правители философы многократно возрастает. Кроме того, Консервативную революцию даже нельзя назвать контркультурой, противопоставляющий себя декадансу. Как было показано на примере Юнгера, вся это идеология связана с околоташистским эстетизмом, в то время как эстетизм – такой же симптом упадничества и заката цивилизации. Разница между декадентами и младоконсерваторами была лишь в том, что вторые осознали очевидный факт того, что и общество, и государство может существовать лишь в отношении к какой-то идее. Боясь ошибиться, вновь напороться на несовершенство своих идеалов, они скинули ответственность на создание этой идеи далекому “сверхчеловеку”, мессии, который даст им те “вечные ценности”, которые верны априори, а не в результате кровопролития и борьбы с другими концепциями. Фактически, Консервативная революция превзошла даже платоновское государство в своей оторванности от реальности, желании рассуждать о более высоком. По Ницше, Платон не смог смириться со смертью Сократа, и решил оставшуюся жизнь построить на эскапизме и диалогах, где Сократ все еще просвещает окружающих, а вечные эйдосы делают все постоянным и статичным. Так же и младоконсерваторы не смирились со смертью Второго рейха, и противореча сами себе, начали совмещать несовместимое, Платона и Ницше, для того чтобы хоть как-то загладить горечь поражения. Консервативная революция призывает к действию, но не говорит, что делать. Консервативная революция призывает к вечному “возвращению”, но при этом существует вневременно, в Гелиополе, где некуда возвращаться и уходить.

Но в самом темном часу для Германии, совсем тускло, но мерцает надежда – Манн все-таки предлагает альтернативу как нацизму, так и остальным идеологиям немецкой интеллигенции. Надежда эта, есть антитеза Консервативной революции. В конце своей жизни Леверкюн раскаивается, потеряв всех своих близких и друзей, он жалеет, что согласился на «Великое время, сумасшедшее время, совершенно чертовское время со взлетами и сверхвзлетами, — конечно, и не без жалких падений, даже весьма жалких, это я не только признаю, но и с гордостью подчеркиваю, ибо так уж полагается, такова уж повадка и природа артистов».⁵¹ Композитор решает создать свое последнее творение, назвав его “Фауст”. Последняя симфония вобрала в себя качество, которое стало действительно тем желанным “новым” – раскаяние. Леверкюн покался, его музыка дошла до невозможного уровня трагизма и боли, но в ней, через покаяние, Фауста наконец забирают ангелы в рай. Проще говоря, Манн предлагает принятие, осознание, попытаться идти дальше, а не танцевать на костях третьей Империи, как на костях второй, пробуждая в себе постоянный ресентимент. Раскаяние Фауста, Леверкюна, Германии приведет их к спасению и искуплению, к желанной альтернативе и новой эпохе, которая приоткроется уже следующему поколению. Поколение узнает о грехах отцов, не увидит в нем достаточного раскаяния и начнет мстить бывшим фашистам. Несмотря на это, Манн

⁵¹ Томас Манн, Доктор Фаустус https://imwerden.de/pdf/thomas_mann_doktor_faustus.pdf, стр. 199

возлагает надежду именно на них, будущих сынов Германии, ставя крест на остатках викторианской интеллигенции.

Однако, Манн снова привязан к своему времени, и в этом он не отличается от Консервативных революционеров. Он – творец эпохи, чье мировоззрение, как и любого творца, реагирует на происходящее вокруг. Манна нельзя рассматривать в разрыве истории его и его родины, ведь даже его альтернатива Консервативной революции – могла быть актуальными только в момент ее создания. Однако, существует альтернатива, лишенная этого недостатка. В “Игре в бисер” Гессе создает наиболее самобытный и уникальный ответ не только для Германии, но для культуры в целом. Описать весь масштаб этого произведения в данном исследовании невозможно, так что стоит обойтись лишь тем, почему в качестве альтернативы Консервативной революции и нацизму, Гессе предлагает вернуться в пещеру.

Начиная с “Демиана”, в творчестве Гессе значительную роль играет мистицизм, парадоксально смешанный с фрейдизмом, с которым писатель был прекрасно знаком. Вторым ключевым произведением в творчестве Гессе становится “Сиддхартха”, отразившее его многолетнее пребывание в Индии. Заключением для веймарского периода творчества служит “Степной волк”, в котором создается концепция непримиримого бунта против мещанства и слепой веры, веры мистической, как единственного способа просвещения. Но магнум опусом Гессе является “Игра в Бисер”, в которой была сформулирована игровая концепция бытия и культуры.

По началу, сюжет романа кажется весьма похожим на Гелиополь и на Доктора Фаустуса: провинция интеллектуалов-философов, далеко в горах, и полностью изолированная от остального мира. Всех их объединяет конечная стадия развития культуры – игра в бисер, смешение математики и музыки, в которой воспроизводятся все величайшие концепции культуры. Гессе создает утопию, лишённую как недостатков Гелиополя, так и людей из окружения Леверкюна.

Причиной ухода интеллектуалов в Касталию является начало эпохи фельетонов – триумфа массовой культуры и упаднической игры с формами. Технологический уровень общества, как и конкретная дата событий неизвестна. Уже становится очевидно, что автор рассуждает намного абстрактнее, ставя проблематику на уровень более фундаментальный. Однако, пересечения с реальным миром не заканчиваются: очевидно, горная Касталия списана с Швейцарии, ставшей центром бежавшей из нацистской Германии интеллигенции. Под эпохой фельетонов угадывается как изобретенная массовая агитация и пропаганда, так и декадентская культуры Германии двадцатых годов.

Главным героем является гений, будто рожденный специально для игры в бисер – Йозеф Кнехт. Ему удается за удивительно малое время достичь вершины иерархии Ордена, правящего в Касталии. Его жизнь достаточно автобиографична, а двумя ключевыми для личностного роста Кнехта становится работа в католическом аббатстве и путешествие на восток. Кнехт становится сверхчеловеком, по ходу произведения обретая почти недостижимый уровень мудрости, он объединяет в себе сверхчеловека восточного и западного. Он – Гессе настоящий, постаревший, преисполнившийся, но наконец знающий ответ на вопрос о том, что есть жизнь и культура.

После краткого экскурса, который заслуживает подробнейшего изучения, но не важен для темы, следует финал, в котором воплощается теория Гессе, противопоставленная Консервативной революции. В конце Йозеф Кнехт умирает, он тонет

в горном источнике. Это очевидная отсылка на древнегреческий миф о том, как Муза Касталия, убегая от Апполона, утонула в озере, находившееся на горе Парнас, сделав это место священным для творцов и людей культуры. Йозеф Кнехт, после всего пережитого и познанного, достижения пика мастерства в игре, решает быть музыкой, тем, кто поведет за собой остальных. Перед уходом он совершает единственный поступок, служащий логическим завершением своего личностного роста. Кнехт уходит из Касталии, от вершин культуры и философии, и становится обыкновенным учителем в провинциальной школе. Йозеф Кнехт уже добился всего, чего мог, культура кончилась, оставив лишь игру в бисер – очередной симптом упадка, последнюю попытку продолжить иллюзию развития культуры. Но игра – это культура, а не жизнь. По Хейзинге, игра — это свободная деятельность, которая осознаётся как «ненастоящая», не связанная с обыденной жизнью.⁵² “То, что жизнь – не игра, не докажет мне ни один Давид.”⁵³ – сказал в “Путешествии к Земле Востока” лидер Ордена, которому и стал противостоять Кнехт. Жизнь в Касталии, как и во всем интеллектуальном сословии отождествилась с культурой, а следовательно, с игрой. Гессе отрывается от простой трактовки “интеллигенция зарылась в абстракции из-за того, что не смогла смириться с поражением”, показывая, что это неизбежный этап развития искусства и общества. Игра свободна, но имеет правила, границы. Обитатели Касталии, существуя в рамках игры в бисер, были свободны изначально, что невозможно.

Проще говоря, можно легко заметить связь между хайдеггеровской трактовкой мифа о пещере, о чем была написано в начале, и Касталией. Она доносит ту же проблему, нависшую над культурой и обществом двадцатого века: разрыв массы и меньшинства, искусства не для всех и фельетонов. Мир утонул в дуализме, в своих и чужих, в людях и Сверхлюдях. Будучи не способными на создание третьего, альтернативы для двух противоположностей, консервативные революционеры решили ожидать, описать на метафизическом уровне то третье и единое, так и не сумев его воплотить. Манн в Волшебной горе осознал очевидность того, что подобная логика не менее упадочническая, и вместо этого предложил примирение противоположностей, как единственный путь к прогрессу. Манн-поздний засвидетельствовал крах культуры, нации, державы, увидев будущее в раскаянии. Ключевая особенность раскаяния – взятие на себя ответственности, признание, возвращение к реальности. Манн увидел более фундаментальную идею лишь частично, не отрываясь от эпохи, но Гессе окончательно воплотил ее в жизнь – это возвращение в пещеру. После любого осознания всегда идет откат, обратный путь. Леверкюн должен был раскаиваться не в том, что продал душу, не в том, что был плохим человеком, а что отдал искусство от реальности, от человека вообще. Его раскаяние неполноценно, ведь за ним следует лишь смерть. Но Кнехт после осознания начинает возвращение: в учении воплощается идея, о которой так мечтали и Консервативные революционеры, и Манн: учение – есть вечная ценность, которая по своей природе объединяет человека просвещенного и еще заключенного. Учение становится освобождением для обоих, ведь только в нем просвещенный может увидеть мнимость противоречий и двойственностей, увиденных на поверхности, где есть лишь ослепляющий

⁵² «Вот, следовательно, первый основной признак игры: она свободна, она есть свобода. Непосредственно с этим связан второй ее признак. Игра не есть “обыденная” или “настоящая” жизнь. Это выход из такой жизни в преходящую сферу деятельности с ее собственным устремлением. Уже ребенок прекрасно знает, что он “ну просто так делает”, что все это “ну просто, чтоб весело”.» Йохан Хейзинга, Homo ludens, https://yanko.lib.ru/books/cultur/huizinga_homo_ludens_all_2_volum%3D81.pdf, стр. 16

⁵³ Герман Гессе, Игра в бисер ; Путешествие к земле Востока : [романы] / Герман Гессе ; [пер. с нем. С. Апта, Е. Шукшиной]. Издательство АСТ 2017 – 608 стр. – (NEO - Классика). Стр. 585-587

свет и тени. Учение – есть вечное возвращение, замыкание круга, который Консервативные революционеры хотели низвести до абстрактной вечности. Учение – то, что следует за игрой, ведь любая игра подразумевает конец, а следовательно, единственным логическим ее завершением будет передача эстафеты следующему игроку, обученному всему, что знал предыдущий.

Цивилизации неизбежно сменяют друг друга разными по уровню жестокости методами. Попытка вернуть старое- симптом упадка, попытка совместить прошлое и будущее, как было показано, – свидетельство о скоропостижной смерти цивилизации, на смену которой уже норовит прийти новая. Консервативная революция воплотила в себе весь германский дух, все худшее и лучшее, что есть в этой культуре, но была обречена на крах в своей основе. Рассуждая о циклическом времени и закате Западного мира, консервативные революционеры не смогли смириться с тем, что подходит к концу уже их цикл, создав тем самым короткий, но очень яркий период германской культуры и философии. Последняя стадия упадничества, на которой декаденс и эстетизм объединяется с нигилизмом и нищенством наглядно демонстрирует, что примирение противоположностей под идеей третьей силы – эскапизм и утопия, а не цель, к которой нужно стремиться, ведь третья альтернатива вряд ли когда-нибудь появиться. Младоконсерваторы ушли вместе со своей эпохой, так и не начав обучение потомков. Они с современниками оставили им мир без идеалов, основ и догм. И вот, необученные потомки, уже рожденные в мире, где противоположности – вещь субъективная, где для одного они существуют, а для другого нет, поляризовали мир настолько, как не снилось ни одному Лео Нафте и Сеттембрини.

Заключение.

В ходе исследования были выполнены все поставленные задачи:

1. Были проведены связи между каждым исследованным произведением и историческим контекстом: Первая мировая война - Волшебная гора, Гелиополь - приход к власти нацистов, Игра в бисер и Доктор Фаустус - Вторая мировая война.
2. Был исследован “Третий рейх” Мёллера ан дер Брука. Были выделены основные идеи эссе и дальнейшее их влияние на культуру.
3. Через исследование различных определений времени и прогресса было показано отношение консервативных революционеров к истории и обществу. Через исследование эстетизма и определение “Сверхчеловека”, были обнаружены сходства и различия между Консервативной революцией и фашизмом.
4. При помощи “Волшебной горы” и “Гелиополя” было показано, что Консервативная революция имела прямое влияние на немецкую культуру и философию. Некоторые, как Манн лишь частично перенимали их тезисы в то время, как Юнгер и другие звнчительные идеологи Консервативной революции создавали произведения полностью на основе своего учения.
5. В “Докторе Фаустусе” и “Игре в бисер” были выделены тезисы, которые можно считать качественной альтернативой Консервативной революции. Во время Второй мировой войны Гессе и Манн создают два новых определения культуры, которые, в отличие от Консервативной революции, не менее актуальны, чем в момент своего появления.

Культура, как и общество, было расколото на две части, где одни решили идти дальше и примириться с горечью поражения, подобно Манну и Гессе, другие же, решили уйти в абстракции, в попытке на бумаге воплотить общество, которым должны была бы стать Германия.

На протяжении всего исследования можно проследить двойственность, исходящую будто бы от одного и того же начала – мифа о пещере и возвращения к реальности. Несмотря на стремление к этой реальности и попытки “обновить” консерватизм, поставив его на рельсы “вечных ценностей” и науки, консервативные революционеры потерпели крах, ведь новая идеология была еще более абстрактна и нереализуема, чем предыдущая. Истолкование мифа о пещере Хайдеггера – критика позитивистского отношения к науке, которому он противопоставляет абстрактное “освобождение” и некую науку, которая будоражила умы интеллигенции начала двадцатого века ввиду распространения идей логицизма. Увы, после доказательства теорем о неполноте Геделя, “Единая наука” является не более чем анахронизмом и попыткой противопоставить, хоть и плохо, но работающей позитивистской парадигме абстрактный метафизический образ, который говорит, как должно быть, но никак к этому нужно прийти. “Третий рейх” Мёллера ван дер Брука является инородным произведением в немецкой культуре, инвазивным видом, пришедшим с Востока, который пытается создать симбиоз с исконной немецкой государственностью. Сразу несколько глав этого эссе начинается с “мы должны”. Консервативные революционеры, хоть и позиционировали себя как контркультура, являлись наиболее упадническим движением Веймарской Германии, которые, подобно декадентам, считали, что мир “должен” подражать искусству и их трактатам, но не наоборот. “Телиополь” Юнгера можно считать признанием бессилия и отчаяния, которое охватило верных младоконсерваторов в последние годы Второй мировой войны.

Несмотря на это, актуальность многих идей консервативных революционеров неоспорима. Критика одностороннего технологического прогресса как никогда востребована, в обществе вновь расцветает ресентимент, а попытки поделить человечество на людей и Сверхлюдей совершаются и будут совершаться всегда. Вопрос времени и прогресса не менее важен для нашей эпохи, ведь когда религия потеряла любое влияние в обществе, а культура способна лишь к деконструкции, люди куда больше думают и рассуждают о регрессе, чем о прогрессе. Что же ждет нас в конце этого регресса? Очередной совершенный круг, или новый вид общества?

Однако, как было показано, идеи консервативных революционеров не могут быть подвергнуты “деутопизации”, из-за связей с конкретным историческим периодом, а также упадническим “долженствованием” реальности, при этом без демонстрации кого-либо конкретного метода и возможности реализации этих тезисов. На другой стороне немецкой культуры стоят Манн и Гессе, которые были не менее связаны со своей эпохой, однако сумели освободиться из пещеры. “Волшебная гора” показывает упадок поздней Викторианской эпохи, но одновременно возлагает надежды на эпоху новую. В “Докторе Фаусте” видно, что надежды эти не оправдались, и разложение культуры и общественных институтов дошло до невиданного раннее уровня. Единственным способом одолеть этот бесконечный упадок для Манна становится раскаяние, признание ошибок, и вновь надежда на новое поколение. Однако, не нам судить, оправдались ли они на этот раз.

В своем последнем произведении Гессе отрывается от эпохи настолько, насколько это возможно, в попытке создать универсальное объяснение культуры и прогресса. Гессе приходит к реальности не как Манн, через принятие ошибок и покаяние, а через отказ от

абстракций в мире совершенных абстракций. “Игра в бисер” является единственным произведением из всех разобранных, где нет “долженствования” или примирения с реальностью, но есть метод, который и дает воплотить идеи Гессе в реальность, в отличие от консервативных революционеров. Гессе ставит высшей ценностью учение, передачу идей остальным, как единственный способ сохранений цивилизации. Увы, несмотря на реализуемость идей Гессе, на данный момент они не менее далеки от воплощения, чем тезисы младоконсерваторов.

Список Литературы

1. Томас Манн, “Волшебная гора”,
https://www.100bestbooks.ru/files/Mann_Volshebnaya_gora.pdf
2. Томас Манн, “Рассуждения аполитичного”
3. Томас Манн, “Доктор Фаустус”,
https://imwerden.de/pdf/thomas_mann_doktor_faustus.pdf
4. Томас Манн, “Обращение к разуму”
5. Мартин Хайдеггер, Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности, Перевод с немецкого А.П. Шурбелёва, Санкт-Петербург «ВЛАДИМИР ДАЛЬ» 2016 Мёллер ван дер Брук, “Третий рейх”,
https://anomalipoisk.ucoz.ru/bibliotecaneo/Armanizm/Artur_Myoller_van_den_Bruk-Trety_Reykh.pdf
6. Мёллер ван дер Брук, “Прусский стиль”
7. Армин Молер, Консервативная революция в Германии в 1918-1933, Перевод с немецкого — А. В. Васильченко, Москва «Тотенбург» 2017
8. Фридрих Хильшер, “Держава”
9. Освальд Шпенглер “Закат Европы”
10. Освальд Шпенглер “Воссоздание Германского рейха”
11. Фридрих Ницше “Так говорил Заратустра”
12. Фридрих Ницше «Философия в трагическую эпоху Греции»,
<https://www.nietzsche.ru/works/other/philosof/?curPos=1>
13. Эрнст Юнгер “В стальных грозах”,
https://psv4.userapi.com/s/v1/d/eLslrOFJmubKBkkyMgdfZhJEIdI2nKxfU45SX8wRwPCzn-8aCVjhvaF7fvlHNiJXMJShncSFEFhxDO2PjDYma-o-wXg6TO6l8ahK0psCxBJ7EpgBO5nQ-w/Ernst_Yunger_V_stalnykh_grozakh.pdf
14. Эрнст Юнгер “Гелиополь”,
https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SgpiudUCZiUcwJsI1XkKbKRxVO8EfIYANSrfE1GBNpGogYrMu-wEnadex72VITkOYST_fLThOf0penU9IR8xEnZc_KHIXovl6lxb6bCqG0OseK7XIPwOw/Ernst_Yunger_Geliopol.pdf
15. Трубецкой, С. Н. Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении / С. Н. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. - М., 1890
16. Эрих Мария Ремарк, “На западном фронте без перемен”
17. Герман Гессе, Игра в бисер ; Путешествие к земле Востока : [романы] / Герман Гессе ; [пер. с нем. С. Апта, Е. Шукиной]. Издательство АСТ 2017 – 608 стр. – (NE0 - Классика). Стр. 585-587
18. Йохан Хейзинга “Homo ludens”,
https://yanko.lib.ru/books/cultur/huizinga_homo_ludens_all_2_volum%3D8l.pdf
19. Платон, “Федон”,
<https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/001-05.pdf>
20. Платон, “Тимей”, https://www.100bestbooks.ru/files/Platon_Timex.pdf

21. Платон, "Государство", https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/new/Platon3_1.pdf
22. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Москва: Мысль, 1981; Т. 3.
23. Федор Достоевский, "Бесы", https://www.100bestbooks.ru/files/Dostoevski_besy.pdf
24. Макс Вебер, «Наука как профессия», 1919, <https://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt>
25. А. В Перцев, "О. Шпенглер: попытка создания прикладной всемирной истории"
26. Борис Хавкин, "ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ — Русский Зондервег? Или немецкий "особый путь? ""
27. Цю Таожуй ФОРМИРОВАНИЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО И ЛИНЕЙНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ // МНКО. 2024. №4 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tsiklicheskogo-i-lineynogo-predstavleniy-o-vremeni-v-vostochnoy-i-zapadnoy-tsivilizatsiyah>
28. Консон Григорий Рафаэлевич ПСИХОЛОГИЯ ИНФЕРНАЛЬНОГО ДВОЙНИКА ГЕРОЯ В РОМАНЕ Т. МАННА "ДОКТОР ФАУСТУС" // Системная психология и социология. 2016. №3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-inferalnogo-dvoynika-geroya-v-romane-t-manna-doktor-faustus>
29. Соколова Е. В. ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ: "ДОКТОР ФАУСТУС" Т. МАННА" (23-24 ИЮНЯ, 2021, МГУ) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vserossiyskaya-nauchnaya-konferentsiya-teksty-i-konteksty-doktor-faustus-t-manna-23-24-iyunya-2021-mgu>